

НАСЛЕДИЕ ПОЛТАВЫ И НИШТАДТА

Внешнеполитическое положение России к моменту смерти Петра Великого в 1725 г. можно без особого преувеличения назвать прочным, а влияние ее на европейские дела — существенным. В ходе долгой Северной войны Россия отвоевала прибалтийские территории, присоединила к своим владениям Эстляндию и Лифляндию. На длительный период Балтика стала мирным районом: договор о взаимопомощи со Швецией (1724 г.) зафиксировал упадок Швеции как великой державы и означал коренное изменение ситуации в районе Балтийского моря.

В основе внешнеполитической доктрины Петра I на последнем этапе его жизни лежало стремление сохранить отвоеванное русской кровью на Балтике, расширить торговлю с Европой и достаточно гибкими и разнообразными действиями воспрепятствовать сколачиванию коалиций антирусской направленности. Петр — выдающийся дипломат — оставил после себя не только достижения, но и нерешенные проблемы. К их числу относилась судьба русско-австрийских, а также русско-французских и русско-английских отношений. Остро, как и прежде, стоял «причерноморский вопрос», ибо Турция оставалась могучим и непобежденным противником.

Внешнеполитические доктрины, как бы глубоко они ни продумывались, не бывают раз и навсегда данными, ибо зависят нередко от массы объективных, а подчас и субъективных факторов, которые могут привести к распаду целостной внешнеполитической системы, утрате ею сбалансированности и гибкости. В первые же годы после смерти Петра сложное сооружение петровской внешней политики стало быстро разрушаться. Правительство Екатерины I ступило на скользкий путь династических авантюр, чего никогда не позволял себе Петр. Обострение «голштинского вопроса» — территориальных претензий Голштинии (владелец которой доводился Екатерине зятем) к Дании — привело к разрыву с Данией, резкому охлаждению отношений со Швецией, прекращению русско-французских переговоров и вхождению Дании и Швеции в так называемый Ганноверский союз Англии, Голландии, Франции и Пруссии. Малорезультативными оказались с большим трудом налаженные русско-авст-

рийские отношения, оформленные Венским договором 1726 г. Союз с Австрией не помог России в начатой в 1735 г. войне с Турцией. Очередная неудачная война с турками, стоившая огромных расходов и жертв, закончилась Белградским миром 1739 г., принесшим России лишь разрушенный Азов.

И хотя впоследствии стратегические цели русской внешней политики — удержание ведущего положения в бассейне Балтики и борьба с Османской империей — оставались прежними, внешняя политика в 30-х годах XVIII в. изменилась. Перемены коснулись методов ведения политики, утратившей внутреннюю логику, гибкость и последовательность. Решительные демарши авантюристического толка середины 20-х годов сменились странной непоследовательностью и нерешительностью, присущей многолетнему руководителю внешнеполитического ведомства А. И. Остерману. Добросовестный исполнитель воли Петра I, он оказался несостоятелен как его преемник. Результатом правления Анны Ивановны были падение престижа России и утрата внешней политикой национальных целей.

К началу 40-х годов XVIII в. Россия хотя и сумела воспрепятствовать антирусскому влиянию в Речи Посполитой, но не смогла оказать отпора усилиям Франции по сколачиванию антирусского союза, вследствие чего вспыхнула русско-шведская война 1741—1743 гг. Итоги восточной политики были удручающими. Война с Турцией не продвинула ни на шаг проблемы Крыма и безопасности южнорусских границ, были утрачены и прикаспийские провинции. В начале 40-х годов в связи с необычайно быстрым ростом могущества молодого Прусского королевства возникла новая проблема, ставшая на долгие годы важнейшей во внешней политике России. Правительство Фридриха II сумело мобилизовать большие материальные ресурсы, и прусский милитаризм стал вызывать опасения некоторых великих держав. И хотя тогда Пруссия еще не могла соперничать с Россией, час их столкновения неумолимо приближался.

Все эти внешнеполитические проблемы и унаследовало елизаветинское правительство. Однако до тех пор, пока цесаревна не стала императрицей, груз ее внешнеполитических забот был невелик: дружественными считались те державы, представители которых интриговали против правительства Анны Леопольдовны, и, наоборот, враждебными — те государства, которые поддерживали Брауншвейгскую фамилию.

День переворота 25 ноября 1741 г. все изменил. Став императрицей, Елизавета должна была смотреть на внешнеполитическую обстановку другими глазами и руководствоваться не симпатиями полуопальной цесаревны, а интересами самодержицы Российской империи.

В момент прихода Елизаветы к власти внешнеполитические дела были запутанны и сложны. Россия находилась в состоянии войны со Швецией, причем ко времени переворота шведы не-

сколько оправились от Вильманstrandского поражения 1741 г., подтянули свежие силы и активизировали свои действия. Сразу после переворота Елизавета попросила французского посланника И.-Ж. Шетарди связаться со шведским главнокомандующим К. Э. Левенгауптом и убедить его приостановить военные действия. На третий день, 27 ноября, был уже получен ответ, из которого следовало, что успех Елизаветы Левенгаупт в немалой степени связывал с провокационной деятельностью шведов. В частности, он упоминал шведский манифест о причинах войны, оставленный в большом количестве экземпляров при отходе шведских войск. Как известно, подстрекательский манифест так и не дошел до глаз и слуха населения Петербурга и не оказал воздействия на события в столице: все экземпляры его были сразу же найдены и доставлены правительству Анны Леопольдовны. Ответ Левенгаупта заканчивался такими словами: «...я не буду причиной какого-нибудь пролития крови между Швецией и Россией, лишь бы мне только дали вовремя средства, которые на будущее время гарантировали бы безопасность шведскому королю и королевству». Скрытый смысл этой многозначительной фразы проявился в следующем послании генерала, полученном в конце ноября. Левенгаупт сообщил, что «не видит возможности заключить мир без предварительной уступки Россией всего, что она имеет на Балтийском море»¹.

Елизавета, как уже отмечалось в первой главе, не дала согласия на территориальные уступки Швеции даже во время тайных переговоров с И.-Ж. Шетарди и Э. М. Нолькеном в 1740—1741 гг., а теперь, когда она стала императрицей, об отходе от прежних позиций не могло быть и речи. Аргументируя свой отказ, она говорила Шетарди: «...что скажет народ, увидя, что иностранная принцесса (Анна Леопольдовна.— *Е. А.*), мало заботившаяся о пользах России и сделавшаяся случайно правительницею, предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны соглашается на условия, противные столько же благу России, сколько славе ее отца и всему, что было куплено ценою крови ее подданных для окончания его трудов». Когда Шетарди попробовал действовать через А. П. Бестужева-Рюмина, то быстро убедился, что вице-канцлер «твердо стоял за начало, что невозможно начинать никаких переговоров иначе, как приняв в основания Ништадтский мир» 1721 г., закрепивший за Россией прибалтийские территории².

Итак, Шетарди оказался в весьма трудном положении. А между тем его влияние после переворота резко возросло. Елизавета, признательная Шетарди за помощь и поддержку в прошлом, приблизила к себе французского посла. Более того, он очень быстро превратился чуть ли не в главного советника императрицы. Шетарди редактировал первые манифесты Елизаветы; давал советы по внешнеполитическим делам; рекомендовал

неопытной императрице, каких посланников прежнего правительства следует оставить при иностранных дворах, а каких — отозвать; в первой паре с Елизаветой открывал бал; публично принимал благодарности лейб-кампанцев — одним словом, стал «своим человеком» во дворце, двери которого для него были всегда открыты. Единственный из посланников, он имел прямую связь с императрицей по внешнеполитическим делам. Когда Шетарди предложил Елизавете заменить А. М. Черкасского на посту канцлера А. П. Бестужевым-Рюминым, то получил от нее такой ответ: «Еще не время, впрочем, что вам за нужда? Вы будете вести переговоры прямо со мной»³.

И вот серьезная неудача — несмотря на расположение к Шетарди, Елизавета не захотела пойти на уступки шведам, которым покровительствовала Франция. Огорченный Шетарди стал ждать совета из Версаля. Вместо совета в начале января 1744 г. он получил выговор. Уже известный нам Амело — министр иностранных дел Франции — писал Шетарди: «Я был очень изумлен, что на другой день после этого переворота вы решились писать к графу Левенгаупту о приостановлении наступления. Еще более изумился я, что вы хотите взять на свою ответственность все, что могло из того произойти. Я не могу примирить такого образа действия с вашей стороны со знанием, которое вы имеете касательно видов короля, и с постоянно сообщаемыми вами известиями о худом состоянии московской армии, которая нуждалась даже в необходимом и которую вы считали неизбежно разбитой, как только шведы явятся со своими силами... Каким образом могло случиться, что в 24 часа изменилось все и русские сделались столь страшными, что шведы могут найти себе спасение единственно в доброте царицы, во власти которой их уничтожить? Король думает, милостивый государь, совсем иначе, и более правдоподобно, что поспешность, с которою воспользовалась царица вашим значением, чтобы остановить графа Левенгаупта, скорее основывалась на опасении, внушенном слухами о походе этого генерала...»

Далее Амело (уже не в первый раз) напоминает Шетарди, что он должен в первую очередь заботиться о Франции, заинтересованной в продолжении военных действий до полной победы одной из сторон. Если бы войну проиграли шведы, поясняет Амело, они бы не могли упрекать Францию в недостаточном содействии по заключению выгодного им мира; если бы проиграли русские, «то царица почла бы себя счастливою, если бы королю (Франции.— Е. А.) было угодно доставить ей мир. В воле его величества было бы назначить условия, и Россия осталась бы ему признательна за то, что умел успокоить шведов»⁴.

В этих довольно циничных высказываниях как в зеркале отразилась вся суть восточной политики Франции в первой половине XVIII в. Как известно, появление на международной арене мощной Российской империи было встречено Версалем без

восторга и вызвало его активное противодействие усилению русских позиций в Европе. Поле столкновения русских и французских интересов пролегало вдали от французских границ. Ведя упорную борьбу с Австрией за гегемонию в Европе, Франция стремилась создать своеобразный «восточный барьер» — союз враждебных Австрии и России государств: Швеции, Османской империи и Речи Посполитой. Этот «барьер» должен был помешать как распространению влияния России, так и объединению ее с Австрией, что могло изменить соотношение сил в Европе не в пользу Франции.

Для ограничения влияния России в первой половине XVIII в. Франция использовала все возможные средства — от дипломатических деклараций и подкупа до помощи противникам России военным снаряжением и войсками, как это было во время войны «за польское наследство» в 1733—1735 гг. В правительственных кругах французской монархии была сформулирована концепция противодействия влиянию России в Европе и на Востоке, состоявшая в покровительстве и щедрой поддержке враждебных России политических группировок в Швеции, Османской империи и Речи Посполитой и постоянном провоцировании их против России, а также Австрии. Разумеется, французская дипломатия не упускала и возможности усилить свое влияние при русском дворе, для того чтобы не допустить русско-австрийский альянс. Однако главной ее акцией все же была поддержка антирусской политики соседних с Россией стран. Поэтому в русско-шведском конфликте Франция была на стороне Швеции, что полностью соответствовало ее доктрине «восточного барьера».

Франция не собиралась отказываться от этой доктрины и после прихода к власти Елизаветы, высказывавшей явные симпатии к французам. Именно поэтому Амело писал Шетарди, как бы исправляя ошибку не в меру инициативного подчиненного, следующее: «Я посылаю сегодня курьера в Стокгольм, чтобы стараться успокоить там умы и дать знать, как это и есть в действительности, что перемена владетеля в России нисколько не изменяет чувств короля к Швеции, ни видов Франции. И точно, если король всегда желал переворота только как средства облегчить шведам исполнение их намерений и если этот переворот произвел противное действие, то должно жалеть о всех трудах, которые предпринимались для ускорения его. Я присовокупляю г. Ланмари (посланнику в Стокгольме.— *Е. А.*), что, далекая от того, чтобы прекратить военные действия, Швеция должна продолжать их с сильным напряжением до тех пор, пока не получит в обеспечение тех мест, которые требовал граф Левенгаупт, а после того можно будет хлопотать о мире»⁵.

Такая жесткая позиция Версаля, совершенно идентичная шведской позиции, делала миротворческую миссию, взятую на себя Шетарди, малорезультативной, ибо ее единственной целью было уговорить Россию пойти на территориальные уступки

Швеции. Это обстоятельство было отмечено на Конференции высших чинов государства, состоявшейся в конце января 1742 г. в Петербурге и постановившей «продолжать войну со всей возможной настойчивостью, так как ее нельзя предупредить при содействии и посредничестве» французского правительства. Командующий русской армией фельдмаршал П. П. Ласси получил 28 февраля приказ: «Начать воинские действия противу неприятеля, дабы оными неприятель к прямому желаемого мира склонению принужден быть мог»⁶.

Французскому послу была вручена памятная записка, в которой говорилось, что Россия «никогда не согласится ни на раздробление своих областей, ни на то, что может нанести ущерб... трактату, заключенному в Ништадте». Как ни старался Шетарди в частных беседах убедить Елизавету пойти на уступки шведам, императрица говорила ему любезности, шутила, но при этом оставалась непреклонна: мир со Швецией может быть заключен лишь при условии полного признания силы Ништадтского мирного договора. 3 апреля 1742 г. Шетарди в депеше из Москвы, куда перебрался на коронацию двор, с горечью писал: «Шведы и русские одинаково остаются твердыми: одни — в своих притязаниях на уступки, другие — в отказе им. Самое сильное старание исполнить хорошо мою должность и самое горячее желание доставить Швеции, согласно намерениям короля, выгоднейший и безопаснейший мир не в состоянии превозмочь препятствия»⁷.

Неудачи в деле примирения русско-шведских противоречий на неприемлемых для России условиях неблагоприятно отразились на положении Шетарди при дворе. Этому в немалой степени способствовала политика французского правительства. Весной 1742 г. австрийцы перехватили письмо Амело французскому послу в Стамбуле де Кастеллану, в котором министр писал, что приход к власти Елизаветы ослабил Россию и что «Порта, желая ускорить это и избавиться от соседки, доставившей ей много неприятностей, должна, как можно скорее, прибегнуть к действиям и воспользоваться обязательствами, связывающими ее со Швецией, чтобы, соединившись с нею, напасть на Россию». Эту депешу, полностью отражавшую внешнеполитическую концепцию Франции в «восточном вопросе», австрийские дипломаты передали русскому правительству. Амело посоветовал Шетарди не признавать подлинность этого письма и обвинить австрийцев в подделке, тем более что, писал министр, «за венским двором столько всяких подделок, что и это изобретение можно было бы приписать ему». Однако это послание, провоцирующее Турцию на войну с Россией, несмотря на демарши Шетарди, произвело крайне неблагоприятное впечатление на Елизавету и несколько охладило ее французские симпатии⁸.

В начале лета 1742 г. военные действия возобновились. 36-тысячная армия П. П. Ласси двинулась вдоль берега Финского залива, прикрываемого эскадрой адмирала З. Д. Мишукова,

в направлении опорной крепости шведов — Фридрихсгама. Шведы, оставив выгодные позиции в районе Мендолакса, поспешно сдали Фридрихсгам и отошли к Гельсингфорсу. Умелым маневром Ласси отрезал шведские войска от Або, а русский флот блокировал их с моря. 24 августа К. Э. Левенгаупт капитулировал. Заняв Або, Нейшлот и другие крепости, русская армия к осени 1742 г. завоевала почти всю Финляндию⁹.

В этой обстановке Шетарди не нашел для себя ничего лучшего, как просить об отозвании, что и было сделано. Осыпанный дорогими подарками Елизаветы, он покинул Россию, рассчитывая переждать дома развязку русско-шведского конфликта, чтобы затем вернуться и упрочить свое пошатнувшееся положение при русском дворе. Во Франции он деятельно готовился к новой поездке в Россию и в июле 1743 г. составил специальную записку о русских делах. В ней он сформулировал план внешнеполитических акций, в реализации которых отводил себе главную роль. Шетарди предлагал сколотить союз России, Швеции, Османской империи и Речи Посполитой под эгидой Франции. В этом деле, по его мысли, должны помочь три фактора: личное расположение к нему Елизаветы, признание за Елизаветой императорского титула и, наконец, крупные субсидии, раздаваемые русским министрам. Анализ записки, ставящей задачу перестройки всей восточной политики Франции и объединения в союзе непримиримых врагов без малейших предпосылок для этого, свидетельствует о необычайном самомнении и некомпетентности Шетарди как дипломата. Не случайно дю Тейль — ответственный чиновник министерства иностранных дел — в своем отзыве на сочинение маркиза отмечал, что мемориал Шетарди «не содержит ничего, кроме романтики» и желания его автора самому распоряжаться денежными подарками. Одновременно он не без иронии заметил, что предложение о союзном договоре между Францией, Россией, Швецией, Речью Посполитой и Турцией «более смешно, чем идея выдать Венецианскую республику за турецкого султана»¹⁰.

Однако вскоре Версалю пришлось несколько пересмотреть свои взгляды на проблему русско-французских отношений. Внутренние смуты в Швеции, порожденные военными неудачами и непрочной королевской властью, вынудили шведское правительство пойти на заключение выгодного России мира, подписанного в августе 1743 г. в Або. Почти тотчас Швеция, опасаясь нападения Дании и набиравшего силу крестьянского восстания в Далекарлии, попросила Россию о военной помощи. Поздней осенью 1743 г. 10-тысячный корпус генерала Д. Кейта был переправлен на галерах к берегам вчерашнего противника и высадился в Стокгольме. Так неожиданно была устранена одна из важнейших причин недоверия русского правительства к Франции. Но не это было самым важным. Летом 1743 г. в России началось следствие по делу о мнимом заговоре против Елизаве-

ты ее недоброжелателей Лопухиных и причастности к нему царского посла маркиза де Ботта (подробности «заговора» читатель узнает в четвертой главе). Пресловутое дело привело к охлаждению русско-австрийских отношений, чем и решили воспользоваться в Версале. С целью заключения русско-французского союза, направленного против Австрии, в Россию в качестве чрезвычайного посланника был отправлен Шетарди. Он вез грамоту о признании за русскими самодержцами титула императора.

Прибыв в декабре 1743 г. в Петербург, Шетарди, однако, не предъявил верительных грамот и стал появляться при дворе на правах старинного друга императрицы. Его донесения во Францию за декабрь 1743 — первую половину 1744 г. наполнены сообщениями о самых различных предметах, кроме главного — хода переговоров о заключении антиавстрийского русско-французского союза. Несколько раз Амело призывал Шетарди аккредитоваться при русском дворе официально, вручить Елизавете грамоту о признании за ней титула императрицы и начать переговоры о союзе. Но Шетарди, веря в полное расположение к нему Елизаветы, был занят преимущественно интригами против А. П. Бестужева-Рюмина, оказавшегося серьезным соперником. Усилия Шетарди и его креатур при дворе (И. Г. Лестока, О. Ф. Брюммера и др.) свергнуть Бестужева-Рюмина оказались тщетными. Елизавета слушала все наветы на вице-канцлера, но отстранять его от должности не спешила. Время шло, а каких-либо результатов миссии Шетарди не предвиделось.

В начале июня 1744 г. терпение Версаля иссякло. Последняя из депеш Шетарди была прочитана Людовику XV. На совещании у короля было констатировано, что Шетарди не справился с порученным ему делом и вместо того, чтобы начать официальные переговоры о союзе, крайне важном для Франции, тратит время на интриги против вице-канцлера. Письмо об этом, равносильное выговору, предшествовавшему отозванию посланника, так и не было отправлено, потому что вскоре стало известно о высылке Шетарди из России. Эта акция сопровождалась громким скандалом. Инициатором ее был А. П. Бестужев-Рюмин, чьи способности к интриге «партикулярный друг» императрицы недооценил. Как выяснилось впоследствии, начиная с января 1744 г. все донесения Шетарди перлюстрировались по непосредственному указанию вице-канцлера.

Следует отметить, что к такому способу добычи информации прибегали во многих странах. Дипломаты, зная о том, что их донесения вскрываются и прочитываются, составляли подчас ложные (приводящие в недоумение историков) донесения с целью дезинформировать правительство, при котором они были аккредитованы. Наиболее важная, секретная информация зашифровывалась, а шифры периодически менялись. Считалось, что дешифровка их невозможна. Однако Бестужев-Рюмин привлек

для дешифровки известного ученого-математика Х. Гольдбаха, который «особливым искусством и неусыпными трудами» разобрал четыре шифра, в том числе шифры поверенного в делах Франции д'Аллиона и Шетарди. 20 марта 1744 г. Гольдбах писал Бестужеву-Рюмину: «...я в состоянии буду вашему сиятельству не токмо по пиесе на день из тех, которые с оною сходство имеют, возвращать, но, как скоро вы мне токмо приказать изволите, и цифирный ключ вручить, способом которого каждому, которой по-французски разумеет, все иные той же цифири пиесы дешифровать весьма легко будет»¹¹. Всего к 6 июня 1744 г. — дню высылки Шетарди — Гольдбах дешифровал около 70 донесений посланника и ответов его адресатов.

Все эти документы позволили А. П. Бестужеву-Рюмину внимательно следить за изменениями французской политики в отношении России и ее соседей. Но не это особенно интересовало вице-канцлера. Донесения Шетарди содержали неблагоприятные отзывы о Елизавете, ее привычках и образе жизни. Вернувшись в Россию, маркиз не мог не заметить, что императрица, оставаясь к нему по-прежнему милостивой и любезной, уже не искала его общества и советов и всячески избегала разговоров на серьезные внешнеполитические темы, т. е. вела себя иначе, чем сразу после переворота. Шетарди был склонен винить в своих неудачах императрицу. С досадой он писал в Версаль (цитируем по перлюстрированной и расшифрованной Гольдбахом депеше): «...любовь [к] самая безделицы, услаждение туалета четырежды или пятью на день повторенное и увеселение в своих внутренних покоях всяким подлым сбродом... все ее упражнение сочиняют...»¹²

В начале июня А. П. Бестужев-Рюмин представил императрице доклад о проступках Шетарди и сопровождал его подробными выписками из донесений маркиза. Задетая за живое, Елизавета, не колеблясь, подписала тут же поднесенный вице-канцлером указ главе политического сыска А. И. Ушакову: «...повелеваем вам к французскому бригадиру маркизу Шетардию немедленно поехать и ему именем нашим объявить, чтобы он из нашей столицы всемерно в сутки выехал».

Рано утром 6 июня 1744 г. с нарядом гвардии Ушаков явился в дом Шетарди и прочитал поднятому с постели хозяину декларацию, в которой тот обвинялся в оскорблении персоны русской императрицы. Это была полная победа вице-канцлера. Он с восторгом писал М. И. Воронцову о реакции Шетарди: «По всему видно, что он никогда не чаял, дабы столько противу его доказательств было собрано, а когда оныя услышал, то еще больше присмирел, а оригиналы когда показаны, то своею рукою закрыл и отвернулся, глядеть не хотел»¹³.

Перехваченное и дешифрованное донесение саксонского посланника Герсдорфа от 21 июня 1744 г. убедило Бестужева-Рюмина, что высылка Шетарди не встретит осуждения при других

дворах, ибо Герсдорф писал первому министру Августа II Брюлю, что Шетарди выслан за «противность», которая «везде инде при других дворах не стерпеваается», а именно «он в домашние или во внутренние дела сего государства вмешался и в пользу своих намерений некоторую часть слуг е. и. в. подкупить, а других отнятием у них чинов и мест истребить хотел»¹⁴.

Французское правительство пыталось срочно поправить дело. Шетарди был уволен с дипломатической службы, а его преемнику д'Аллиону было поручено передать Елизавете грамоту о признании за ней титула императрицы. Но было уже поздно. К этому времени конфликт России с Австрией, вызванный делом Лопухиных — Ботта, был исчерпан официальным признанием Марии Терезии, что поступок ее бывшего посланника «скандален и достоин кары», а также заключением Ботта в крепость Гарц¹⁵.

В то время, когда происходили описываемые события, Европа была охвачена пожаром войны, в которой приняли участие большинство крупнейших стран континента. Эта война получила название «война за австрийское наследство» и была вызвана резким обострением противоречий, с одной стороны, между Францией, Пруссией, Испанией и Австрией, а с другой — между Францией и Англией. Если борьба Англии и Франции была обусловлена стремлением расширить за счет соперника колониальные владения в Америке и Индии и получить абсолютное превосходство на море, то объектом борьбы Франции, Пруссии, Испании с Австрией была Германия и прилегающие к ней области, т. е. владения императора «Священной Римской империи германской нации» Карла VI Габсбурга. Толчок войне за дележ «наследства» Габсбургов был дан 20 октября 1740 г., когда из Вены пришло сообщение о смерти Карла VI. Большую часть своего далеко не блестящего царствования он посвятил утверждению принятой в 1713 г. так называемой Прагматической санкции — документа о признании за его дочерью (ввиду отсутствия сыновей) Марией Терезией права на императорский престол. С помощью различных уступок, в том числе и территориальных, Карл VI получил от большинства стран Европы гарантии Прагматической санкции и умер, полагая, что благодаря этим гарантиям императорский престол вопреки традиции получит женщина — Мария Терезия.

Однако Карл VI ошибся. Дело состояло в шаткости не кандидата на трон, а самой империи. Не прошло и двух месяцев после его смерти, как богатейшая часть австрийских владений — Силезия была захвачена одним из гарантов Прагматической санкции — Пруссией. Возмутителем спокойствия оказался только что вступивший на престол Фридрих II. Несомненно, прусский король был одной из ярких фигур политической жизни Европы середины XVIII в. Уже современников его личность поражала сочетанием подчас противоположных и взаимоисключающих свойств. Будучи наследником престола, он увлекался

философией, литературой. Культура Франции была ему близка и знакома, а на французском языке он писал и разговаривал совершенно свободно. Фридриху было присуще такое редкое по тем временам качество, как веротерпимость, если не сказать — атеизм. На этой почве он близко сошелся с Вольтером, часто гостившим у Фридриха и часами обсуждавшим с «философом из Сан-Суси» философские и этические проблемы.

Однако идеи Просвещения странным образом уживались в сознании Фридриха с прямолинейным, ограниченным пруссачеством, незатейливой милитаристской и шовинистической «философией» прусского юнкерства. Написав в ранние годы книгу с говорящим само за себя названием — «Антимакиавелли», всю оставшуюся жизнь Фридрих II посвятил опровержению прекраснотушних идей этой книги, прославив одним из самых лицемерных и вероломных политических деятелей европейской истории даже по меркам своего века. Он давал обещания, чтобы тотчас их нарушить, подписывал соглашения о мире, чтобы разорвать их прежде, чем чернила высохли на бумаге. Человек решительный и смелый, крупный полководец, внесший немало нового в военную науку своего времени, Фридрих II впадал в отчаяние от неудач и удивлял современников проявлениями слабости духа. История его царствования стала ярким примером неустойчивого политического балансирования, сменявшегося политикой откровенного авантюризма и агрессии, что в конечном счете ослабило Германию. В течение 20 лет царствования Фридриха II — и в немалой степени по его вине — Европа дважды ввергалась в войны, охватывавшие почти все государства континента и длившиеся в общей сложности 15 лет.

Как только в Берлине было получено известие о смерти Карла VI, Фридрих II (как он сам признавался в записке 1746 г.) «немедленно решил поддержать неоспоримые права своего дома на Силезское княжество, хотя бы с оружием в руках». В той же записке Фридрих отмечал, что «риск был велик», так как в одиночку, без союзников, Пруссия совершала нападение на государство, целостность которого была гарантирована ведущими державами Европы. Но, начиная дело, король верил, что союзник непременно найдется, ибо «соперничество, существующее между Францией и Англией, обеспечивало... содействие одной из этих двух держав и, кроме того, все помогавшиеся австрийского наследства должны были встать на стороне Пруссии... Обстоятельством, побудившим окончательно решиться на это предприятие, была смерть российской императрицы Анны. По всему казалось, что во время несовершеннолетия молодого императора Россия будет более занята поддержанием спокойствия внутри империи, чем охраною Прагматической санкции»¹⁶.

Эти строки были написаны Фридрихом II уже после окончания первой Силезской войны, но им можно верить. Перед совершением какой-либо крупной политической акции он имел

привычку делать заметки о возможном развитии событий. Сразу после смерти Карла VI, но до получения известий о кончине Анны Ивановны Фридрих II записал: Англия, Франция и Голландия не смогут помешать моим планам, и «только одна Россия способна причинить мне беспокойство. Но чтобы сдержать ее, можно пролить на главнейших сановников, заседающих в совете императрицы, дождь Данаи, что заставит их думать, как мне угодно. Если императрица умрет, то русские будут так поглощены своими внутренними делами, что у них не хватит досуга заниматься внешней политикой; во всяком случае было бы уместно ввести в Петербург нагруженного золотом осла»¹⁷.

И действительно, первоначальные расчеты Фридриха II полностью оправдались. В декабре 1740 г. прусские войска без объявления войны вторглись в Силезию и почти полностью ее оккупировали, а в конце марта 1741 г. нанесли австрийцам сокрушительное поражение при Мольвице. Оно стало сигналом для всех, кто мечтал получить что-нибудь из «австрийского наследства». В мае 1741 г. в Нимфенбурге был заключен союз между Францией, Испанией и Баварией, курфюрст которой Карл Альбрехт мечтал о приобретении Чехии и императорской короны. Испанцы надеялись получить австрийские владения в Италии, а Франция, поддерживая своего ставленника Карла Альбрехта, рассчитывала ослабить Австрию и свести ее в разряд второстепенных держав. К союзу вскоре примкнули и другие «наследники» — Саксония, Неаполь, Пьемонт и Модена. Владения Габсбургов от Северного моря до Адриатики подверглись нападению вчерашних гарантов Прагматической санкции. Осенью 1741 г. объединенные силы Баварии, Франции и Саксонии заняли Прагу и Карл Альбрехт был провозглашен германским императором Карлом VII.

К этому времени инициатор конфликта — прусский король уже вышел из затейной им игры и подсчитывал трофеи: Мария Терезия, оказавшаяся в безвыходном положении, заключила в сентябре 1741 г. перемирие с Пруссией и уступила Фридриху II Нижнюю Силезию. Так прусский король реализовал провозглашенный им принцип политики: «*Erst nehmen und dann unterhandeln*» («Сначала взять, а потом вести переговоры»). Заключению договора в Клейн-Шнеллендорфе предшествовали сложные дипломатические маневры Фридриха, который стремился добиться от России и Англии гарантий невмешательства в войну «за австрийское наследство». В России он делал ставку на Миниха и Остермана, обещая последнему деньги и земельные владения в... Силезии.

Прусскому королю было очень важно заполучить такие гарантии у двух ведущих европейских стран, не вовлеченных еще в конфликт. Фридриху это позволило бы связать их обязательствами не участвовать в войне на стороне Австрии, а самой Пруссии — сохранить завоеванное и продолжать политику ба-

лансирования, которую проповедовал Фридрих. В начале 1741 г. он писал своему министру иностранных дел Подевилльсу: «...имея возможность опереться на Россию и Англию, мы не имеем никакой причины торопиться с соглашением с Тюильрийским двором; следовательно, нужно водить его за нос, пока окончательно не станет ясен вопрос о посредничестве». Когда посредничество не удалось, Фридрих резко изменил политику и пошел на сближение с Францией, добиваясь в качестве неперемennого условия союза выступления Швеции против России, с тем чтобы отвлечь ее от помощи Австрии. Понимая заинтересованность Версаля в союзнике против Австрии, прусский король в июне 1741 г. почти ультимативно заявил французскому посланнику Валори: «Маркиз Бель-Иль не решится, конечно, отрицать, как он обещал мне, что они (шведы.— *Е. А.*) нападут на русских в Финляндии, лишь только я подпишу трактат с Францией. Теперь все готово для этого, а Швеция продолжает выставлять разные затруднения. Предупреждаю, что трактат наш рассыплется в прах, если вы не одержите полного успеха в Стокгольме; ни на каких других условиях я не соглашусь быть союзником вашего короля»¹⁸.

В июле 1741 г. Швеция объявила России войну, а 25 ноября был совершен государственный переворот в пользу Елизаветы. Заручившись союзным соглашением с Францией и полагая, что Россия будет полностью занята своими внутренними делами, Фридрих II в середине декабря 1741 г. нарушил перемирие и напал на Австрию. В начале мая 1742 г. прусские войска разгромили австрийцев при Чаславе. Победа союзников над Австрией была близка, как никогда.

Но тут Фридрих вступил в тайные переговоры с Марией Терезией и в июне того же года заключил Бреславский мир, по которому к Пруссии перешла почти вся Силезия. Когда Валори в ответ на сообщенную королем ошеломляющую новость сказал, что это обман, Фридрих позволил себе пошутить: «Но это значит не обманывать, а только выпутаться из дела». Руководитель внешней политики Франции кардинал Флери почти не скрывал своей растерянности. Он писал Фридриху: «Я питал столь безграничное доверие к неоднократно повторявшимся обещаниям в. в. не предпринимать ничего иначе, как по соглашению с нами, и мы, со своей стороны, так верно соблюдали заключенный трактат, что не могу выразить изумления, с которым я узнал о неожиданной перемене в вашем образе действий». Ответ Фридриха был ясным и бесцеремонным: «Справедливо ли укорять меня за то, что я не намерен еще двадцать раз драться за французов? Это было бы работой Пенелопы, ибо маршал Броль (французский главнокомандующий.— *Е. А.*) поставил себе правилом разрушать то, что созидали другие. Следует ли сердиться на меня за то, что для собственной безопасности я заключил мир и поставился высвободиться из союза?»¹⁹

Бреславским миром завершилась первая Силезская война, но война «за австрийское наследство» только разгоралась. К середине 1742 г. к Австрии открыто примкнули Англия, Голландия, а также Пьемонт и Саксония. Осенью того же года австрийцы вытеснили из Чехии французов и баварцев. Особенно насыщены событиями были 1744 и 1745 годы. Австрийцы продолжали наступление и заняли Эльзас, вторглись в Неаполитанское королевство, где потерпели поражение от испано-неаполитанских войск.

К этому времени Пруссия вновь урегулировала отношения с Францией и в мае 1744 г. заключила с ней Версальский трактат. Получив обещание не возражать, если часть Чехии отойдет к Пруссии, Фридрих II нарушил Бреславский мир и напал на Саксонию и Австрию. Началась вторая Силезская война (1744—1745 гг.).

Франция заняла Баварию и Австрийскую Швабию, а также Ломбардию. Весной 1745 г. Бавария вышла из войны, и Максимилиан Иосиф (преемник умершего в январе 1745 г. Карла VII) отрекся от притязаний на императорскую корону в пользу мужа и соправителя Марии Терезии Франца Стефана Лотарингского, ставшего императором Францем I.

Фридрих II продолжал наступление и во второй половине 1745 г. выиграл четыре битвы подряд у Саксонии и Австрии, а в декабре занял Дрезден — столицу Саксонии. Дрезденским миром 25 декабря 1745 г. закончилась вторая Силезская война. Пруссия в обмен на признание Франца Стефана императором «Священной Римской империи» получила почти всю Силезию и графство Глац.

Быстро менявшиеся, как в калейдоскопе, события политической и военной жизни Европы были тем общим фоном, на котором проходили первые годы правления Елизаветы и складывалась внешнеполитическая доктрина ее правительства. Следует отметить, что в первой половине 40-х годов XVIII в. внешняя политика России формировалась в обстановке напряженной борьбы придворных группировок за влияние на императрицу, причем некоторые из этих группировок нашли поддержку у иностранных дипломатов, не жалевших золота для своих подопечных.

Как уже говорилось, в первые полгода царствования на Елизавету сильное влияние оказывал французский посланник. Шетарди стремился сколотить при дворе «французскую партию», способную влиять на императрицу в нужном Франции направлении. В эту группировку входили лейб-медик Елизаветы И. Г. Лесток, обер-гофмаршал двора Петра Федоровича О. Ф. Брюммер, а впоследствии и мать великой княгини Екатерины Алексеевны принцесса Иоганна Елизавета. Все эти очень влиятельные при русском дворе лица находились на содержании французского и прусского дворов.

В январе 1741 г. Шетарди предложил Лестоку ежегодный пенсioen в 15 тыс. ливров, который и был с благодарностью принят. При этом французский посол предупредил лейб-медика, что только от него, Лестока, зависит, как долго он будет получать пенсioen, и что ему «предстоит только позаботиться о со-глашении интересов короля и вашей государыни». Лесток и Брюммер, тоже подкупленный Шетарди, ревностно отрабаты-вали полученные деньги. Переписка французского посольства с Версалем свидетельствует, что они тотчас сообщали все придвор-ные и государственные новости Шетарди или сменившему его д'Аллиону. Со своей стороны французские дипломаты давали Лестоку и Брюмеру советы, как им следует вести себя при дво-ре. Помимо постоянного пенсioна Лесток получал крупные де-нежные подарки. Так, в феврале 1744 г. ведомство А. П. Бесту-жева-Рюмина перехватило и дешифровало реляцию Шетарди, писавшего Амело: «...я к назначенному господину Лестоку подарку еще две тысячи рублей присовокупил». Из перехвачен-ной переписки Шетарди с Лестоком явствовало, что лейб-медик имел связь с командующим русскими войсками в Швеции гене-ралом Кейтом. Лесток действовал, минуя внешнеполитическое ведомство, а Шетарди редактировал его послания к Кейту²⁰.

Однако до высылки Шетарди вице-канцлер не предприни-мал никаких решительных демаршей против «французской пар-тии» — слишком велико было влияние Лестока и Брюммера на Елизавету.

Помимо французских интересов группировка Лестока пек-лась об интересах прусского короля. Для Фридриха II перево-рот 25 ноября 1741 г. был полной неожиданностью: прусский посланник А. Мардефельд прозевал заговор Елизаветы и сам переворот. Впрочем, Фридрих не очень тужил об участии своих родственников из Брауншвейгского дома, руководствуясь выска-занным им ранее принципом, что «между государями он счи-тает своими родственниками только тех, которые друзья с ним». Более того, впоследствии, когда ему понадобилось добиться рас-положения Елизаветы, он (через Мардефельда и русского по-сланника в Берлине П. Г. Чернышева) советовал императрице заслать Брауншвейгскую фамилию как можно дальше от Риги.

Узнав о перевороте, Фридрих II даже обрадовался, ибо счи-тал, что новым властителям России будет не до прусских дей-ствий в Европе. В начале 1742 г. он писал Мардефельду, что смена власти в России все же не в пользу Англии и Австрии, поддерживавших тесные связи с правительством Анны Леополь-довны. Король рекомендовал своему послу в Петербурге вни-мательно следить за происками дипломатов этих стран и сове-товал особенно не упускать из виду «некоего лекаря Лестока». О нем, писал Фридрих, «я имею сведения как о большом интри-гане... уверяют, будто бы он пользуется расположением новой императрицы. Важные дела подготавливаются нередко с по-

мощью ничтожных людей, а потому (если это справедливо) государыня доверяет этому человеку, и, если не удастся сделать его нашим орудием, вам нужно учредить за ним бдительный надзор, чтобы не быть застигнутым врасплох». На этот раз Мардефельд не дал застигнуть себя врасплох и вскоре сошелся с Лестоком. В марте 1744 г. Фридрих писал Мардефельду уже как об обычном деле: «Я только что приказал господину Шплитгерберу передать вам 1000 рублей в уплату второй части пенсионна господина Лестока, который вы не замедлите выплатить, присовокупив множество выражений внимания, преданности и дружбы, которые я к нему питаю»²¹.

Свержение правительства Анны Леопольдовны, как и предполагал Фридрих, привело к некоторым изменениям во внешней политике России. В русско-английских и прежде всего в русско-австрийских отношениях, которые особенно поддерживал низвергнутый А. И. Остерман, наступило заметное охлаждение. Зато нормализовались отношения с Пруссией. В марте 1743 г. состоялось подписание Петербургского союзного трактата, по которому стороны обязывались помогать друг другу в случае нападения третьей державы на одну из них. Не возражала Елизавета и против заключения брака наследника шведского престола с сестрой Фридриха II. Большие надежды прусский король возлагал, как и французы, на дело Лопухиных — Ботта, видя в нем «средство теснее сблизиться с Петербургом»²².

Дело было начато по инициативе И. Г. Лестока, выполнявшего поручения французского и прусского посланников, во-первых, любыми средствами свергнуть неугодного им А. П. Бестужева-Рюмина (жена его брата Михаила Петровича была замешана в деле Лопухиных), а во-вторых, добиться разрыва русско-австрийских отношений. С этой целью к делу и был «привязан» бывший австрийский посланник де Ботта.

Переписка французских и прусских дипломатов убедительно показывает, что Лесток действовал по их указке и что в Версале и Берлине от процесса ожидали коренного сдвига в русской политике. Фридрих II писал Мардефельду: «Случай мне кажется слишком хорошим, и вы должны употребить все старания, чтобы подорвать во мнении императрицы кредит партий австрийской, английской и саксонской. Нужно ковать железо, пока оно горячо, нужно внушить императрице, что между всеми европейскими государями она может вполне рассчитывать только на мою искреннюю дружбу; сам по себе Ботта никогда не отважился бы на подобное дело, если бы не имел секретных инструкций от своего двора». Фридрих полагал, что внешнеполитическим итогом этого дела будут разрыв России с Австрией и гарантия Елизаветы всех приобретений Пруссии. «Я отдал,— писал он Мардефельду,— секретное приказание банковской конторе Шплитгербера в Петербурге открыть вам кредит до 20 000 экю, которыми вы можете распоряжаться для подкупов; если эта

сумма оказалась бы недостаточной, то получите еще столько же. Это пора любви: нужно, чтобы Россия была моею теперь, или же это мне не удастся никогда»²³.

Желая угодить Елизавете, прусский король выслал из Берлина де Ботта, бывшего посланником Марии Терезии при его дворе, и стремился довести до сведения Елизаветы, что повсюду против нее интригуют англичане, австрийцы и саксонцы. Но самой большой победой Фридрих считал неожиданное решение Елизаветы женить своего племянника — наследника престола Петра Федоровича на Софье Августе Фредерике, дочери прусского генерала князя Христиана Августа Ангальт-Цербстского. Когда стало известно, что Елизавета хочет видеть юную избранницу в России, Фридрих сделал все возможное, чтобы внушить матери принцессы княгине Иоганне Елизавете, какие цели должна она преследовать, отправляясь в Россию. Сделать это было нетрудно, ибо, писал В. А. Бильбасов, «цербстская княгиня, как и большинство мелких владетельных особ Германии в то время, боготворила Фридриха II, его глазами смотрела на политические дела и его желания принимала за подлежащие исполнению приказания. Она не сомневалась, что эти желания благотворны, раз они высказаны Фридрихом II»²⁴. Фридрих поставил перед Иоганной Елизаветой задачу добиваться совместно с Лестоком, Брюммером и Мардефельдом заключения выгодного для Пруссии тройственного союза России, Швеции и Пруссии, а также неопременного свержения вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

Если просмотреть подряд день за днем донесения французских и прусских посланников при русском дворе за 1742—1745 гг., то окажется, что у них не было более актуальной темы, чем обсуждение средств и способов свержения А. П. Бестужева-Рюмина. Поначалу, когда он в конце 1741 г. был только назначен в помощники престарелому канцлеру А. М. Черкасскому, вчерашний сподвижник Бирона никому не казался опасным соперником. Наоборот, Шетарди рекомендовал Елизавете заменить им не способного к делам Черкасского. Сам Бестужев-Рюмин оказывал Шетарди явные признаки внимания, рассчитывая, по-видимому, с помощью близкого Елизавете человека укрепить свои позиции при дворе. Это навело Шетарди на мысль подкупить вице-канцлера. Идею посла поддержал Амело, обеспокоенный только тем, как лучше дать деньги — все сразу или выплачивать ежегодно. Шетарди предложил Бестужеву-Рюмину 15 тыс. ливров (столько же получал Лесток), однако тот отказался от пенсионна, хотя, как показалось послу, формально, для вида. Правда, вскоре Шетарди понял, что любезность вице-канцлера, прибравшего к рукам все дела внешней политики, лишь маска. Ее удалось сорвать, когда французский посол обратился к Бестужеву-Рюмину за содействием в заключении выгодного для Швеции мира. Как уже отмечалось, Алексей Петрович считал мир возможным только при условии признания шведами прин-

ципов Ништадтского договора 1721 г. Его точку зрения разделяла Елизавета, что не соответствовало видам маркиза. Немного погодя Шетарди развернул настоящую кампанию по свержению Бестужева-Рюмина, справедливо считая его действия противоречащими французским интересам.

К этой кампании присоединилась и прусская дипломатия. Фридрих II вообще ставил в зависимость от свержения Бестужева-Рюмина свои успехи в деле изоляции Австрии. «Если мне придется иметь дело только с королевой Венгерской (Марией Терезией.— *Е. А.*),— писал он Мардефельду,— то перевес всегда будет на моей стороне. Главное условие — условие *sine qua non* (непременное.— *Е. А.*) в нашем деле — это погубить Бестужева, ибо иначе ничего не будет достигнуто. Нам нужно иметь такого министра при русском дворе, который заставлял бы императрицу делать то, что мы хотим». В случае «если... вице-канцлер удержится на своем месте», король предлагал послу другую тактику: «...вы должны будете изменить политику и, не переставая поддерживать тесные сношения с прежними друзьями, употребите все старания, чтобы Бестужев изменил свои чувства и свой образ действий относительно меня; для приобретения его доверия и дружбы придется израсходовать значительную сумму денег. С этой целью уполномочиваю вас предложить ему от 100 000 до 120 000 и даже до 150 000 червонцев, которые будут доставлены вам тотчас, как окажется в том нужда»²⁵.

Но деньги не понадобились — Бестужев-Рюмин перешел в наступление. Уже в начале июня 1744 г. он писал М. И. Воронцову, что Мардефельд прочитал декларацию о высылке Шетарди «закусы губы». Понять прусского посланника нетрудно: его могла ожидать та же судьба. Не случайно Фридрих II писал, что «Мардефельд в отличие от Шетарди сумел утаить свое участие в кознях» и поэтому остался при русском дворе. В июле того же года Бестужев-Рюмин был назначен канцлером и вскоре расправился с другими деятелями профранцузской группировки: после свадьбы Петра Федоровича и Екатерины в августе 1745 г. вы проводили из столицы не в меру активную мать великой княгини; в 1746 г. был вынужден покинуть Россию Брюммер, а через два года был устранен — не без участия канцлера — Лесток. Поняв, что в закулисной борьбе с Бестужевым-Рюминым справиться трудно, Мардефельд и сменивший Шетарди д'Аллион в 1745 г. начали вести с ним переговоры о союзе и в качестве подарка обещали ему 50 тыс. руб. По словам французского посланника, оба предложения — о союзе и «подарке» — были встречены канцлером «холодно»²⁶.

Одновременно дипломаты-союзники пытались использовать против Бестужева-Рюмина нового вице-канцлера — М. И. Воронцова, весьма симпатизировавшего Франции. Однако Бестужев-Рюмин так ловко сумел провести интригу и дискредитировать Воронцова в глазах Елизаветы, что тот был отправлен на год

в заграничную поездку. «Бестужевская проблема» осталась неразрешимой для его врагов.

В чем состояла сила Бестужева-Рюмина, почему прусский король так дорого оценивал его дружбу, а сам Алексей Петрович постоянно отвергал попытки Пруссии и Франции войти в сделку с ним?

Еще при жизни канцлера недружественные ему деятели в один голос утверждали, что стойкость Бестужева-Рюмина обусловлена английскими и австрийскими деньгами и поэтому он так верно служит интересам Вены и Лондона. Следует отметить, что обвинения в продажности не избежал ни один крупный государственный деятель того времени, и в ряде случаев для таких обвинений были веские основания. Подкуп министров, как и перлюстрация, был весьма распространенным средством дипломатической борьбы и даже не преследовался так строго, как, например, шпионаж.

Не приходится сомневаться в том, что и Бестужев-Рюмин брал деньги у англичан, австрийцев, саксонцев. С весны 1745 г. в донесениях английских посланников он упоминается как «мой друг» (my friend), а в 1746 г. канцлер получил от англичан 10 тыс. фунтов, оформленных как долг без процентов на десять лет под залог дворца. Разумеется, ни о каком возврате долга позже не было сказано ни слова. Осенью 1752 г., когда польский король и саксонский курфюрст Август III, встревоженный угрозами со стороны Фридриха II, обратился к России за помощью, Бестужев-Рюмин «покаялся» саксонскому посланнику Функу, что растратил на собственные нужды свыше 20 тыс. дукатов из фондов Коллегии иностранных дел и что при первой же проверке его лишат должности. Он просил известить об этом английского и австрийского посланников. Начались обсуждения представителей союзных держав, как помочь канцлеру. Английский резидент Вульф, на которого особенно рассчитывали австрийцы и саксонцы, поначалу наотрез отказался спасти «своего друга». С документами в руках он доказал коллегам, что за последние годы передал Бестужеву-Рюмину свыше 62 тыс. руб. С большим трудом им все же удалось уговорить Вульфа выдать канцлеру хотя бы 8 тыс. руб. Остальные деньги были присланы из Вены²⁷.

В истории Бестужева-Рюмина удивительны не эти факты, а иные обстоятельства. На протяжении почти десятилетия он вел упорную и очень опасную борьбу с «французской партией», шаг за шагом отвоевывав у нее (не всегда честными способами) влияние на Елизавету и внушая императрице принципы политики, прямо противоположные тем, которые поддерживало ее ближайшее окружение. В этой обстановке для Алексея Петровича, вероятно, было бы более простым и более выгодным делом не интриговать против могущественного Шетарди, не строить козни против сильного близостью к Елизавете Лестока или Брюмера, а взять 150 тыс. червонцев от прусского или французского

двора и спокойно плыть по течению, заботясь больше о своем благополучии.

Думается, Бестужев-Рюмин не шел на это потому, что во внешней политике он руководствовался такими принципами, которые не позволяли ему выполнить — подобно Лестоку или Брюммеру — повеления Фридриха II или Людовика XV. В сохранении этих принципов он видел основу могущества России и одновременно своей значимости как государственного деятеля.

В многочисленных докладах, записках, письмах Бестужев-Рюмин не раз излагал свою концепцию внешней политики, которую называл «системой Петра Первого» и за которую так не любили Бестужева-Рюмина в Берлине и Версале. В основе этой концепции лежало признание важности для России трех союзов. По его мнению, Россия была заинтересована прежде всего в союзе с «морскими державами», т. е. с Англией и Голландией. Называя союз с Англией «древнейшим», он указывал, что Россию и Англию связывают торговые отношения, приносящие огромные доходы казне, о чем свидетельствуют данные таможен, а также общие интересы на севере Европы. Большое значение имел союз с Саксонией: ее курфюрст с конца XVII в. являлся польским королем, и Петр «неотменно желал саксонский двор, колико возможно, наивысше себе присвоить, дабы польские короли сего дома совокупно с ним Речь Посполитую польскую в узде держали». Наконец, третьим, важнейшим союзником для России была Австрия. Назначение этого союза Бестужев-Рюмин видел в противодействии Османской империи и другим державам, пытавшимся нарушить статус-кво в Центральной и Восточной Европе. Таким образом, считал канцлер, безопасность России требует, «чтоб своих союзников не покидать для соблюдения себе взаимно во всяком случае... таких приятелей, на которых бы положиться можно было, а оные суть морские державы, которых Петр Первый всегда соблюдать старался, король польский как курфирст саксонский и королева венгерская по положению их земель, которая натуральный с сею империей интерес имеют. Сия с самого начала славнейшего державствования е. и. в. ... родителя состояла»²⁸.

С высоты современного знания о внешней политике Петра I можно усомниться в том, что «система» Петра была именно такой, какой ее изображал Бестужев-Рюмин. При Петре союзные отношения России с европейскими государствами претерпевали определенные изменения. Начав с союза с Данией против Швеции, Петр кончил свое царствование союзом со Швецией и прохладными отношениями с Данией. Отношения же с Австрией у Петра так и не наладились, и русско-австрийский союз оформился после его смерти. Но суть дела не в этом.

Неизменным в политике Петра было поддержание союзов с такими государствами, с которыми у России была общность долговременных интересов. И в этом смысле Бестужев-Рюмин

правильно понимал смысл петровской внешней политики. Конечно, к середине XVIII в. ситуация в Европе существенно изменилась по сравнению с временем Петра, но главные цели русской политики — не допустить складывания на западных и южных рубежах коалиции враждебных России государств (Швеции, Речи Посполитой, Османской империи и др.) под главенством одной из западноевропейских держав — оставались неизменными. Важно отметить, что, отстаивая свою систему, Бестужев-Рюмин ссылался на внешнюю политику не только Петра, но и послепетровских правительств. Именно в преемственности, традиционности внешней политики, оправдавшей себя на протяжении длительного времени, видел Бестужев-Рюмин залог внешнеполитического успеха правительства Елизаветы. Это, правда, не делало доктрину Бестужева-Рюмина динамичной, но и не позволяло руководителю внешней политики потерять главные ее направления.

Политика Фридриха II, строившаяся на учете инертности одних государств, растерянности других, включавшая элементы авантюризма, выбор и молниеносную смену союзников в зависимости от потребности минуты, была органически неприемлемой для Бестужева-Рюмина и вызывала его резкое противодействие. По его мнению, в Европе не было государственного деятеля, имевшего такой же «непостоянный, захватчивый, беспокойный и возмутительный характер и нрав», как у прусского короля. Бестужев-Рюмин был убежден, что иметь дело с самим Фридрихом II как партнером невозможно, ибо многочисленные вероломные нарушения прусским королем заключенных им трактатов исключали возможность любого союза с ним и требовали тщательного наблюдения за его демаршами.

Однако нет оснований утверждать, что Бестужев-Рюмин отрицал возможность и полезность дружественных отношений России с Пруссией. Как трезвый политик, он не мог не учитывать ее возросшее могущество в Германии и Европе и понимать, что дело не только в характере прусского короля. Считая Фридриха II главным виновником войн первой половины 40-х годов, Бестужев-Рюмин видел, что усиление Пруссии за счет соседей (Австрии и Саксонии) чревато нарушением равновесия в Европе и что интриги прусских дипломатов в Швеции, Турции и Речи Посполитой угрожают не только австрийским или саксонским интересам, но и интересам России. «...Коль более сила короля Прусского умножится,— писал канцлер,— толь более для нас опасности будет, и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа... империи приключиться может»²⁹.

Благодаря усилиям Бестужева-Рюмина антипрусская направленность стала доминировать во внешней политике России примерно с 1744 г., когда был заключен союзный договор с Саксонией, а также началось дело Шетарди. Очень важным эпизодом

в борьбе за изменение внешнеполитического курса России явились события осени 1744 г., когда было получено известие о начале второй Силезской войны Пруссии против Австрии и Саксонии.

В результате нерешительной внешней политики первых лет правления Елизаветы Россия оказалась в сложном положении: и Пруссия, и Саксония обратились к ней за вооруженной поддержкой. Первая ссылалась на статьи союзного договора 1743 г., а вторая — на статьи союзного договора 1744 г. И в том и в другом договоре речь шла об оказании Россией помощи партнеру в случае нападения на него третьей державы.

Точка зрения Бестужева-Рюмина выражена в его записках очень четко: Пруссия, побуждаемая «наущениями и деньгами Франции», нарушила Бреславский мир и данные Россией и Англией гарантии этого мира, напав на Саксонию и Австрию, поэтому Фридрих II не может рассчитывать на поддержку России в отличие от Августа III, ставшего жертвой агрессии. «Интерес и безопасность... империи, — писал Бестужев-Рюмин, — всемерно требуют такие поступки (Фридриха II. — *Е. А.*), которые изо дня в день опаснее для нас становятся, индифферентными не поставлять, и ежели соседа моего дом горит, то я натурально принужден ему помогать тот огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы он наизлейший мой неприятель был, к чему я еще вдвое обязан, ежели то мой приятель есть». Мнение канцлера об оказании помощи Саксонии поддержал и вице-канцлер М. И. Воронцов, опасавшийся усилившейся деятельности Пруссии в Швеции и Турции. В официальной записке, датированной сентябрем 1745 г., Бестужев-Рюмин настаивал на принятии конкретного и срочного решения по поводу прусско-саксонского конфликта, ибо, оставаясь в стороне от него, «дружбу и почтение всех держав и союзников потерять можно, так что, ежели здешняя империя в положении их нужду имела, они для нас толь мало сделали б, как мы для них»³⁰.

Елизавета вняла требованиям своего канцлера. Состоялись два совещания высших чинов государства с участием императрицы, на которых было решено оказать военную помощь Августу III. 8 октября 1745 г. императрица предписала фельдмаршалу Ласси сосредоточить в Лифляндии и Эстляндии около 60 тыс. войск, с тем чтобы весной начать наступление против Фридриха II. Известие об этом повлияло на ход второй Силезской войны: в конце декабря 1745 г. в Дрездене Австрия и Саксония заключили с Пруссией мир на основе Бреславского мирного договора.

Подводя итоги своей внешнеполитической деятельности, Фридрих II писал в 1746 г.: «Все вышеизложенные нами обстоятельства доказывают, что король прусский не вполне преуспел в своих домогательствах и что достигнутое им от России не совсем соответствовало его надеждам. Но важно то, что уда-

лось усыпить на некоторое время недоброжелательство столь грозной державы, а кто выиграл время, тот вообще не остался в накладе»³¹. Однако автор этих строк оказался излишне самоуверенным.

Уже с начала 1746 г. в Петербурге велись напряженные переговоры о заключении русско-австрийского оборонительного союза. Договор был подписан в конце мая 1746 г. сроком на 25 лет и стал начальным звеном в цепи союзных соглашений, которые на протяжении полувека объединяли Россию и Австрию сначала в борьбе с Пруссией в Семилетней войне, затем, при Екатерине II, с Турцией, а также с революционной и наполеоновской Францией. Особенно важными были секретные статьи союзного договора 1746 г. Россия и Австрия обязались совместно действовать и против Пруссии, и против Турции, причем Мария Терезия рассчитывала с помощью этого союза пересмотреть условия Дрезденского мира 1745 г. и вернуть себе Силезию. Чтобы предупредить возможные неожиданные действия Фридриха II, было решено держать в Лифляндии крупный корпус войск, готовых по первому приказу из Петербурга двинуться на Кёнигсберг.

В 1747 г. русское правительство пошло на дальнейшее сближение с Англией. После Дрезденского мира 1745 г. военные действия велись главным образом в Нидерландах, где у Габсбургов были большие владения. Французский полководец Мориц Саксонский одержал две блестящие победы (при Фонтенуа в 1745 г. и при Року в 1746 г.), и в 1746—1747 гг. при содействии Австрии были заключены две русско-английские так называемые субсидные конвенции. Согласно их условиям, Россия обязалась предоставить Англии и Голландии 30 тыс. солдат за крупную сумму денег. Этот корпус должен был действовать против Франции. Весной 1748 г. корпус под командованием генерала В. А. Репнина двинулся через Германию на Рейн, что существенно повлияло на ход мирных переговоров в Аахене, где в октябре 1748 г. был заключен мир, завершивший почти восьмилетнюю войну «за австрийское наследство».

Поход корпуса Репнина привел к разрыву русско-французских отношений. В декабре 1747 г. Петербург покинул посланник д'Аллион, а летом 1748 г. — консул Совер. Отношения Франции с Россией были прерваны почти на восемь лет. Вскоре стал неизбежен разрыв и русско-пруских отношений. Осенью 1746 г. Фридрих II отозвал Мардефельда, обвинив его в том, что посланник поскупился и не дал Бестужеву-Рюмину 100 тыс. руб. для предотвращения русско-австрийского сближения. В 1749 г. ареной острого столкновения интересов России и Пруссии стала Швеция. Дело в том, что в Швеции с 1720 г. существовала олигархическая форма правления, ослаблявшая шведское государство и делавшая власть короля фикцией. В 1749 г. в Петербурге стало известно, что наследник шведского престола Адольф Фри-

дрих при поддержке части дворянства, Пруссии и Франции готовит в случае смерти больного Фридриха I государственный переворот, намереваясь восстановить в Швеции самодержавие. Усиление Швеции не входило в планы России, и правительство Елизаветы трижды требовало от шведского короля предотвращения возможных попыток восстановления самодержавия. Резкие ноты русского правительства были с неудовольствием встречены в Берлине, что и стало поводом для отзыва осенью 1750 г. русского посланника Г. И. Гросса³².

Такое четко наметившееся размежевание сил в Европе через шесть лет привело к возникновению Семилетней войны.

С начала 50-х годов XVIII в. из Северной Америки стали приходить тревожные известия о пограничных стычках английских и французских колонистов. Так, в 1754 г. промелькнуло сообщение о том, что 22-летний офицер из Вирджинии Джордж Вашингтон уничтожил в верховьях реки Огайо отряд французов, убив при этом вышедшего навстречу англичанам парламентаря. К лету 1755 г. стычки вылились в открытый вооруженный конфликт, в котором кроме колонистов и индейцев-союзников стали участвовать регулярные воинские части³³. При заключении Аахенского мира 1748 г. было предусмотрено, что специальная смешанная комиссия займется разграничением колониальных владений Англии и Франции. Однако осуществить это не удалось: пограничные споры отражали глубокие противоречия двух колониальных держав, стремившихся к монопольному владению Северной Америкой, Индией и другими заморскими территориями. Столкновения в Америке делали неизбежной и войну Англии и Франции в Европе.

Своеобразие положения Англии тех времен состояло в том, что английский король Георг II являлся одновременно курфюрстом расположенного на севере Германии Ганновера. Георг II опасался, что в случае англо-французской войны Ганновер не сможет оказать сопротивления французской армии и будет ею оккупирован. Эти опасения были небезосновательны, ибо французы, опираясь на союзный договор с Пруссией, начали убеждать Фридриха II напасть на Ганновер. Сведения о таких переговорах вынудили английское правительство предложить Пруссии (за крупную денежную сумму) гарантировать нейтралитет Германии, в том числе и Ганновера, а также воспрепятствовать вторжению в нее иностранных войск. Фридрих II колебался недолго и в январе 1756 г., не дожидаясь истечения союзного соглашения с Францией, пошел на подписание Уайтхоллского договора. Версаль воспринял поступок прусского короля как его открытый переход в стан врага Франции и через три месяца заключил союзный договор с Австрией.

Оба этих договора были полной неожиданностью для большинства даже опытных дипломатов. Русские посланники сообща-

ли из многих европейских столиц о том изумлении, в которое повергли государственных деятелей эти соглашения. Изумляться действительно было чему. Целые поколения европейских политиков выросли на традициях многовековой борьбы Бурбонов и Габсбургов за господство в Европе. Из памяти жившего в 50-х годах XVIII в. поколения не успела изгладиться порожденная этим антагонизмом война «за австрийское наследство». И только самые прозорливые дипломаты смогли заметить, что эта война внесла коренные изменения в расстановку сил в Европе.

Сдвиги состояли в ослаблении Австрии и все более возравставшем могуществе Пруссии. Аахенский мир 1748 г. зафиксировал фактическое поражение Австрии, вынужденной отдать Пруссии Силезию. А между тем насильственно отторгнутая у австрийского государства Силезия являлась одной из его важнейших провинций. За истекшее после Дрезденского мира 1745 г. десятилетие население Пруссии почти удвоилось, существенно увеличилась армия. Одним словом, к середине 50-х годов XVIII в. прусская военная машина была готова к бою, а Австрия с трудом восстанавливала силы после почти десятилетней войны на разных фронтах. Поэтому опытные политики в Вене уже в конце 40-х годов понимали, что врагом номер один для Австрии становится именно Пруссия, а не Франция и что именно агрессивный Фридрих II представляет наибольшую угрозу для австрийских владений в Германии. Понимание этого факта и стало исходной точкой того движения, которое завершилось Версальским союзным договором 1756 г.

Инициатором сближения Австрии с Францией стал канцлер Кауниц-Ридберг, который сумел с большим трудом преодолеть предубеждение правящей верхушки как собственной страны, так и Франции. Определенную роль во франко-австрийском сближении сыграл Уайтхоллский договор. Надежды Версаля на союз с прусским королем в войне против Англии рухнули, а опасения остаться вообще без союзников повлияли на решение заключить союзный договор с Австрией.

Третьим сюрпризом — помимо Уайтхоллского и Версальского договоров — стало восстановление русско-французских отношений и разрыв России с Англией. Эти события, как и австро-французское сближение, вызревали давно.

Задолго до Уайтхоллского и Версальского договоров по секретному заданию Людовика XV в Петербург прибыл шотландец Маккензи Дуглас. Через французского купца Мишеля он установил связь с вице-канцлером М. И. Воронцовым, а через него — непосредственно с Елизаветой. Императрица выразила желание принять французского посланника и восстановить русско-французские отношения. Переговоры проходили в обстановке сугубой секретности — о них не знали ни французское министерство, ни канцлер Бестужев-Рюмин.

Завеса тайны, окружавшей переговоры, породила легенду о

девице Лии де Бомон, приехавшей со своим дядей Дугласом в Россию и по заданию Людовика XV внедрившейся в окружение Елизаветы. Прекрасная француженка — эталон ума, элегантности и красоты — сумела так расположить к себе императрицу, что Елизавета без всяких колебаний согласилась на сближение с Францией. Когда задание Людовика XV было выполнено, девица призналась Елизавете, что на самом деле она является мужчиной — кавалером Эоном де Бомон, вынужденным для конспирации обрядиться в женское платье. Как известно, эта легенда была впоследствии подхвачена бульварной литературой и стала весьма популярной. Исследования французских и русских историков показывают полную ее несостоятельность и позволяют установить, что секретарь Дугласа Эон де Бомон, прибывший в Россию летом 1756 г., когда русско-французские отношения были уже налажены, не переживал таких романтических приключений, а действительно замеченная за ним привычка одеваться в женское платье характеризует не его феноменальные способности к конспирации и лицедейству с превращениями, а известную психofизическую патологию.

Истинные причины быстрого франко-русского сближения были, как это часто бывает в истории, более прозаичны. Франция в преддверии войны с Англией была заинтересована в России в качестве если не союзника, то по крайней мере нейтрального государства. Версаль располагал сведениями о том, что в придворных кругах Петербурга существует группировка, ратующая за восстановление русско-французских отношений. Во главе этой группировки стояли молодой фаворит императрицы И. И. Шувалов и вице-канцлер М. И. Воронцов. В последние годы императрица стала тяготиться огромным влиянием на внешние дела канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, который, не считаясь с мнением других, придерживался ранее избранного внешнеполитического курса и тесно сблизился с английским посланником Вильямсом. Опираясь на Воронцова, Шувалов, неуязвимый для Бестужева-Рюмина близостью с императрицей, пытался противопоставить его доктрине такую внешнеполитическую альтернативу, которая бы позволила ослабить влияние канцлера. Именно для этого в придворной игре и была разыграна «французская карта».

Однако долгое время попытки группировки Шувалова — Воронцова поколебать положение канцлера не приносили реальных результатов. Переговоры о восстановлении русско-французских отношений могли и не увенчаться успехом, несмотря на богатые подарки соболями маркизе Помпадур: ведь никто заранее не мог сказать, что предъявит в качестве контраргумента умудренный многолетним опытом интриг Бестужев-Рюмин. Во время сближения русского и французского дворов он уверенно вел переговоры с противником Версаля — Англией о заключении очередной субсидной конвенции, подобной тем, которые были под-

писаны в 1746 и 1747 гг. Конвенция предусматривала при необходимости участие русского корпуса в военных действиях в Европе для защиты интересов английского короля. Правда, долго оставался неясным вопрос, против кого будет действовать корпус. Вильямс и Бестужев-Рюмин полагали, что против французам, как это было в 1748 г. В сентябре 1755 г. соглашение было подписано, осталось только его ратифицировать, но внезапно было получено сообщение о заключении Уайтхоллского соглашения Англии с Пруссией.

Это соглашение в корне меняло ситуацию: заключив союз с Пруссией, Англия тем самым ставила под сомнение союзные отношения с Россией. Послу в Лондоне А. М. Голицыну было поручено довести до сведения Уайтхолла следующее заявление русского правительства: заключение конвенции с Пруссией «не можем мы сообразить с обнадешиваниями толико нам о дружбе е. в. повторенными, а наименьше с должною между союзниками открытостью». А Коллегия иностранных дел подала императрице мнение, в котором отмечалось, что Уайтхоллский трактат автоматически аннулирует субсидное соглашение между Англией и Россией. Весной 1756 г. созданная для решения важнейших внешнеполитических дел и ведения войны Конференция при высочайшем дворе постановила обратиться к Австрии с предложением воспользоваться англо-французской войной в Америке и выступить против Пруссии, чтобы вернуть Силезию. Россия со своей стороны была готова «для обуздания прусского короля» выставить 80 тыс. человек, а если потребуется — то и больше. Конференция решила также умножить усилия для налаживания хороших отношений с Францией, чтобы склонить ее к войне с Пруссией. Конечная цель этих действий состояла в том, чтобы, «ослабя короля прусского, сделать его для России не страшным и не заботным; усиливши венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ним против турок более важным и действительным»³⁴.

В ответ на обращение русского правительства Мария Терезия уведомила Елизавету о заключении Версальской конвенции и предложила присоединиться к ней, а также заключить с Австрией наступательный союз против Пруссии. Оба этих предложения русское правительство приняло, причем материалы переговоров свидетельствуют, что оно считало необходимым как можно раньше начать войну против Фридриха II, чтобы не дать ему разбить союзников поодиночке.

Опасения русского правительства оправдались. Фридрих II довольно быстро узнал о русско-австрийских переговорах по поводу заключения наступательного союза и об интенсивной подготовке России и Австрии к войне. Прусский король считал, что в создавшейся обстановке «нет другого спасения, как предупредить врага; если мое нападение будет удачно, то этот страшный заговор исчезнет как дым; как скоро главная участница (Авст-

рия.— Е. А.) так будет снесена, что не будет в состоянии вести войну в будущем году, то вся тяжесть падет на союзников, которые, конечно, не согласятся нести ее»³⁵. Этот отрывок хорошо передает спекулятивный ход размышлений Фридриха, строившего свою политику в расчете на выигрышные для него последствия каких-то других предполагаемых действий. Моральная сторона дела — то, что он будет зачинщиком войны, — не смущала прусского короля.

Впоследствии Фридрих II писал, что «в политике задерживаться пустыми формальностями в таком важном деле было бы непростительной ошибкой... нерешительность и медлительность могут погубить все, а спасти может только быстрота и сила». В его «Истории Семилетней войны» эта мысль выражена более откровенно: истинные государи сами решают, когда им нужно начать войну, ведут ее, а какому-нибудь «трудолюбивому юристу предоставляют найти оправдание». Когда министр иностранных дел Подевилльс пытался отговорить короля от решительных действий, указывая на возможности мирного разрешения конфликта и огромный риск, которому бы подверглась Пруссия в случае начала войны по его инициативе, Фридрих не стал слушать своего министра и выпроводил его словами: «Прощайте, человек трусливой политики!» Жребий был брошен. 18 августа 1756 г. армия Фридриха II вторглась на территорию Силезии. Получив известие об этом из Дрездена, Елизавета указом 1 сентября объявила Пруссии войну³⁶.

Как часто бывало, война тотчас выявила все промахи и недостатки, незаметные или сознательно скрываемые в мирное время. Перед началом и особенно в ходе войны стали очевидны серьезные просчеты внешнеполитического ведомства, и прежде всего самого Бестужева-Рюмина — подлинного руководителя русской внешней политики с середины 40-х годов XVIII в. С годами он утратил присущую ему гибкость мышления, уверовал в непогрешимость собственной внешнеполитической доктрины и в конечном счете стал ее жертвой. Видя в Пруссии главного противника России и проповедуя политику сдерживания агрессивных намерений прусского короля, Бестужев-Рюмин преувеличивал значение союза с Англией и ошибочно считал, что для сдерживания Фридриха II будет достаточно организованного на английские деньги марша 30—40-тысячного русского корпуса в глубь Германии.

Действительно, появление корпуса В. А. Репнина в Германии ускорило мирные переговоры в Аахене и способствовало заключению мира 1748 г. Успешный опыт 1747—1748 гг. представлялся Бестужеву-Рюмину образцом и для дальнейшей политики в Европе. Поэтому, когда в сентябре 1755 г. была подписана очередная русско-английская субсидная конвенция о предоставлении в случае конфликта в Германии англичанам за 500 тыс. фунтов 55 тыс. русских солдат и 50 галер, канцлер ликовал, по-

лагая, что мир в Европе обеспечен. Добиваясь скорейшей ратификации конвенции, он в самых радужных красках изображал последствия этого соглашения: «...конечно, прусский король замыслы свои оставит и Ганновер также в покое пребудет... Не славно ли будет для императрицы, что одним движением ее войск разрушаются все противных дворов замыслы и сохраняются ее союзники; меньше ли притом полезно, когда за сие одно Англия пропорционные субсидии платить станет». Бестужев-Рюмин полагал, что все обойдется «весьма легким образом, а именно чужим именем и с подмогою чужих денег». Возможное столкновение с 200-тысячной прусской армией в глубине Германии казалось ему легким походом, в котором «генералам желанный доставится случай к оказанию и своего искусства, и своего характера; офицерство радоваться ж будет случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится в благородном звании его пристойных упражнении, в которых они все никогда довольно экзерцированы быть не могут»³⁷.

Это и многие другие высказывания Бестужева-Рюмина свидетельствуют о несомненной недооценке им силы военной мощи прусского короля, которого, как считал канцлер, можно испугать «диверсией».

А между тем к середине 50-х годов XVIII в. Пруссия стала опасным врагом. Энергичный 44-летний Фридрих, имевший за плечами серию побед в войне «за австрийское наследство», жаждал нового столкновения. Война за новые территории вытекала из основ прусского военного государства и казалась королю нормальным состоянием, тогда как мир — лишь передышкой для накопления сил для новой войны. И нужно отдать Фридриху должное: экономный до аскетизма, но не жадный, он сумел образцово поставить хозяйство увеличившегося после захвата Силезии королевства. В то время как его коронованные соседи беззаботно и весело проматывали миллионы, Фридрих II деятельно готовился к войне.

На протяжении ряда лет бюджет Пруссии не знал дефицита. Возросшие после захвата Силезии доходы королевства, различные меры по экономии расходов позволили Фридриху II скопить для военных затрат значительную сумму и провести несколько кампаний без ущерба для экономики и не прибегая к иностранным субсидиям. Подлинной страстью короля-полководца была армия. Несмотря на потери в войне «за австрийское наследство», прусская армия увеличилась со 100 тыс. в 1740 г. до 145 тыс. человек в 1756 г. Склады и магазины ломились от огромных запасов вооружения, амуниции, продовольствия. Сама армия, подчиненная жесточайшей дисциплине, казалась хорошо отлаженной машиной, готовой по первому приказу короля в считанные дни выступить в поход. Недостатки ее, как и несовершенство всей стратегии и тактики Фридриха II, выявились позже, в ходе войны, но до войны прусская армия представлялась внушитель-

ной и ее превосходство в организации и подготовке над другими армиями бросалось в глаза многим.

Но среди этих людей не было Бестужева-Рюмина. Помимо реальной силы Пруссии он недооценивал и такой важный фактор, как не имевшие границ амбиции Фридриха II. Располагая полностью отмобилизованной армией, прусский король уже не боялся России так, как в начале 40-х годов, и даже был весьма невысокого мнения о русской армии елизаветинских времен. Для подобного мнения были объективные основания. После русско-турецкой войны 1735—1739 гг. русская армия на протяжении почти 20 лет не имела опыта крупных боевых действий (война со шведами в 1741—1743 гг. имела ограниченный характер). Конечно, блестящие победы Петра I были памятны в Европе, но это было в прошлом, а период «миниховщины» в армии ознаменовался серьезным отходом от принципов петровской военной науки и способствовал подрыву репутации русской армии. Короче говоря, прежняя, пассивная политика Бестужева-Рюмина в середине 50-х годов XVIII в. оказалась несостоятельной: сдерживать агрессию Фридриха II угрозами «диверсий» было уже невозможно. Между тем, не рассчитывая на серьезную войну, Россия ее начала. И сразу стало ясно, что такая война не подготовлена ни в дипломатическом, ни в чисто военном плане.

Союз с Австрией, заключенный в 1746 г., был стержневым для внешней политики России во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов XVIII в. Но за десять лет довольно тесных союзных отношений ничего не было сделано для разработки системы согласованных действий союзников против Пруссии в случае ее нападения на одну из сторон, не говоря уже о совместных наступательных действиях против прусской армии. Между тем настоятельная необходимость в таком согласовании была: опыт совместных действий в войне с Турцией в 30-х годах показал, что русские и австрийцы оказались плохими союзниками. Бестужев-Рюмин в записке 1744 г. признавал, что Австрия как союзник «упорно поступала». Когда началась Семилетняя война и был заключен русско-австрийский наступательный союз (Петербург, январь 1757 г.), то, согласно ему, России отводилась роль не самостоятельной, а лишь вспомогательной для Австрии силы. Это сразу стало порождать серьезные разногласия союзников: Австрия требовала полного подчинения себе русской дипломатии и действующей армии, но это как до, так и после Семилетней войны расходилось с интересами России или по крайней мере с интересами ее руководителей. Поскольку каждый из союзников тянул одеяло на себя, реальной силы русско-австрийский военно-политический союз не представлял.

Еще хуже обстояли отношения с другим «нечаянным» союзником — Францией. Хотя 31 декабря 1756 г. Россия и присоединилась к Версальскому соглашению, резкий поворот от многолетней конфронтации к союзным отношениям не был легким.

Версаль, исходя из принципов своей восточной политики, отказался от обязательств выступать против противников России, в том числе и Турции. В ответ русские представители потребовали исключения из договора пункта, обязывающего Россию помогать Франции в борьбе против Англии. Только одно это ограничивало возможности координации совместных действий России и Франции³⁸.

Наконец, за последнее десятилетие ничего не было сделано для усиления позиций России в Курляндии и в Речи Посполитой, что было весьма важно для будущих военных действий против Пруссии.

Более удручающей была сугубо военная сторона дела. Бестужевская внешнеполитическая концепция «диверсий» привела к ослаблению всей армии — ведь для осуществления ограниченных акций в Европе требовалось не более 40—50 тыс. солдат из всей 300-тысячной армии. В соответствии с этой доктриной в Прибалтике, Псковской и Новгородской провинциях была сосредоточена незначительная часть армии, тогда как большая часть полков была расквартирована по всем губерниям огромной страны и не была готова к войне. Начало военных действий показало, что правление Елизаветы оказалось для вооруженных сил потерянными временем, несмотря на ее многочисленные декларации о верности принципам петровской политики.

В 1756 г. из четырех фельдмаршалов двое — А. Г. Разумовский и Н. Ю. Трубецкой — вообще не имели никакого отношения к армии, поэтому выбирать в главнокомандующие пришлось одного из оставшихся двух — А. Б. Бутурлина или С. Ф. Апраксина, воинские таланты которых, судя по отзывам современников и оценкам военных историков, были весьма скромными. Не побеспокоились при Елизавете и о найме на русскую службу способных генералов-иностранцев. Национальные же кадры офицерства готовились слабо: не посылались для обучения воинскому искусству в армиях всяюющих стран волонтеры, отсутствовала программа обучения войск во время продолжительного мира, не проводились маневры крупных сил. Более 46 тыс. военнослужащих вообще использовались не по назначению — выполняли разнообразные административные обязанности, такие, например, как проведение переписи.

Лишь в 1755 г., когда война была на пороге, Военная коллегия организовала комиссию для изучения состояния армии. Выводы комиссии были неутешительные. Армейские полки нуждались в самом необходимом, а главное — в людях: в полевой армии (172 тыс. солдат) некомплект составлял не менее 18 тыс. человек, т. е. в строю не хватало каждого десятого солдата. Рекрутский набор, начатый в 1755 г., проходил, как всегда, медленно, давал армии совершенно не обученный и не приспособленный к службе и тяжелейшим походам контингент новобранцев. Некомплект в 1757 и в другие годы приводил к тому, что

два первых батальона полков укомплектовывались за счет третьего. Особенно много нареканий вызывало состояние кавалерии — весьма сложного по тем временам рода войск. Несовершенная система заготовки фуража, когда солдаты, занятые сенокосом и выпасом лошадей, по полгода не садились на коня, сочеталась с плохим состоянием парка лошадей, комплектовавшегося за счет необъезженных татарских лошадей или купленных крестьянских саврасок. В итоге комиссия пришла к выводу, что для приведения кавалерии в нормальное состояние нужно «произвести знатную перемену»³⁹.

Не случайно в Гросс-Егерсдорфском сражении 1757 г. русские кирасиры и конногренадеры были сразу опрокинуты прусскими драгунами Финкенштейна, и лишь мужество пехотинцев спасло положение. Были и другие важные недостатки (например, в снабжении войск), которые со всей очевидностью проявились с началом военных действий.

Сразу после объявления войны главнокомандующим русской армией был назначен 54-летний С. Ф. Апраксин. Сын знаменитого сподвижника Петра Ф. М. Апраксина, он начал службу рядовым Преображенского полка, участвовал в русско-турецкой войне и в 1739 г. стал генерал-майором. Он пользовался большим расположением Миниха, который выдвигал Апраксина и после свержения Бирона щедро награждал земельными пожалованиями. Огромные связи семейства Апраксиных, укрепленные женитьбой Степана Федоровича на дочери тогдашнего канцлера Г. И. Головкина, его «пронырливый», по словам М. М. Щербатова, характер, дружба с Шуваловыми и Разумовскими, тесные отношения с могущественным А. П. Бестужевым-Рюминым, постоянное заискивание перед И. И. Шуваловым — все это облегчило Апраксину продвижение по служебной лестнице. В 1742 г. он был уже генерал-кригскомиссаром, президентом Военной коллегии и генерал-лейтенантом, в 1746 г. — генерал-аншефом. В 1751 г. за неизвестные историкам заслуги он получил высший российский орден — Андрея Первозванного, а в 1756 г. — звание генерал-фельдмаршала. Получив соболью шубу, серебряный сервиз весом несколько пудов и спрятав в ларец подписанную Елизаветой 5 октября инструкцию, Апраксин отбыл в Ригу — главную квартиру армии. Как остроумно заметил видный военный историк Д. М. Масловский, Апраксин, еще не въезжая в Ригу, допустил как полководец «капитальную ошибку... заключающуюся в принятии инструкции, выполнить которую он не мог»⁴⁰.

В самом деле, инструкция, составленная Бестужевым-Рюминым, поражает своей беспомощностью, отсутствием четко поставленных перед главнокомандующим политических и военных целей. Согласно инструкции, Апраксин должен был двинуться с армией в Курляндию и польскую Лифляндию, встать на небольшом удалении от государственной границы, поджидать подхода других частей, заготавливать провиант и в течение зимы ожидать

из Петербурга дальнейших инструкций. От армии, перешедшей границу, требовалось только, чтобы она, рассеянная на большом пространстве, «обширностью своего положения и готовностью к походу такой вид казала, что... все равно, прямо ли на Пруссию или влево чрез всю Польшу в Силезию маршировать». Канцлер полагал, что «королю прусскому сугубая диверзия сделана будет тем, что невозможно узнать, на которое прямо место сия туча собирается». Мало того, Апраксину предписывалось не только стоять, но «непрестанно такой вид казать», что армия «скоро и далее маршировать» будет. «Нужда в том настоят крайняя,— подчеркивалось в инструкции,— дабы атакованных наших союзников ободрять, короля прусского в большой страх и тревогу приводить, силы его разделять и наипаче всему свету показать, что не в словах только одних состояли твердость и мужество, которые мы учиненными... декларациями оказали».

Но этим смысл инструкции не исчерпывался. Апраксин должен был не только стоять и делать вид, что собирается двигаться, но и «всегда, когда время допустит», с некоторым войском «помалу вперед продвигаться». В каком направлении «вперед» нужно было продвигаться, в инструкции не говорилось. Особенно отчетливо противоречия и недоговоренности инструкции выявились в ее 35-м пункте, где отмечается: до весны «не признается за удобно всею нашей команде поручаемую армией действовать противу Пруссии или какой город атаковать, однакож ежели б вы удобный случай усмотрели какой-либо знатный поиск над войсками его (Фридриха.— *Е. А.*) надежно учинить или какую крепостию овладеть, то мы не сомневаемся, что вы онаго никогда из рук не упустите... Но всякое сумнительное, а особливо противу превосходящих сил сражение, сколько можно, всегда избегаемо быть имеет»⁴¹.

Не без оснований Д. М. Масловский писал, что «в общем выводе по инструкции, данной Апраксину, русской армии следовало в одно и то же время и идти, и стоять на месте, и брать крепости (какие-то), и не отдаляться от границы. Одно только строго определено: обо всем рапортовать и ждать наставительных указов»⁴².

Инструкция — плод бестужевской политики полумер,— обрекавшая русскую армию на бездействие и риск, так и не была реализована. Прибыв в ноябре 1756 г. в Ригу, Апраксин ознакомился с состоянием армии и пришел к выводу, что начинать зимний поход с имевшимся под рукой 26-тысячным войском, без полевой артиллерии и необходимых припасов невозможно. В штабе армии не было даже карт предполагаемого района действий. 17 ноября С. Ф. Апраксин писал И. И. Шувалову: «От сего времени и столь рановременного и неудобного похода небезуповательно, что и дезертиров будет много, и болезни умножиться могут, и все сии в Конференции полученные известия (от Австрии.— *Е. А.*), которые и ко мне сообщены, происходят

от единой нетерпеливости видеть начатия и от нас настоящего дела; но нам не должно по тому поступать, а смотреть на собственный свой интерес и пользу, почему прошу ваше превосходительство при случае е. и. в. внушить, чтобы со столь рановременным и по суровости времени и службе более вредительным, нежели полезным, походом не спешить»⁴³. Шувалову удалось уговорить Елизавету отложить поход против Пруссии.

В январе 1757 г. взамен инструкции Бестужева-Рюмина был составлен план будущей кампании. Он предусматривал действия армии Апраксина в пределах Восточной Пруссии с последующим занятием ее столицы — Кёнигсберга. Поход был начат в мае 1757 г.

Невозможность прямого пути из Риги в Восточную Пруссию, а также необходимость соединиться с двигавшейся с Украины конницей способствовали выбору окружного пути через Ковно. Особый осадный корпус генерала В. В. Фермора направился к Мемелю — важному порту и крепости Восточной Пруссии, прикрывавшей ее со стороны Куршского залива. В Ковно армия прибыла 7 июня 1757 г. Поход проходил в трудных условиях и крайне медленно: полки двигались вместе со своими обозами и растянувшиеся на десятки верст телеги и фуры сдерживали идущие следом войска.

Нужно отметить, что сам Апраксин умышленно замедлял продвижение армии. Во-первых, он ожидал изменений на австро-прусском театре военных действий и надеялся, что у него дело не дойдет до серьезного столкновения с прусской армией. Во-вторых, фельдмаршал, как и многие сановники, с тревогой поглядывал на «молодой двор», зная, что наследник престола Петр Федорович обожает Фридриха II. А между тем здоровье Елизаветы с осени 1756 г. стало внушать опасения. Поэтому Апраксин хотел действовать наверняка и поддерживал переписку со своим приятелем Бестужевым-Рюминым, ожидая от него указаний и советов. Но канцлер был уже не в прежней «силе» и не мог, как раньше, влиять на события при дворе. В письме от 15 июля 1757 г. он рекомендовал Апраксину не тянуть с походом, ибо Елизавета в его присутствии «с великим неудовольствием отзываться изволила, что ваше превосходительство так долго... мешкает». 18 июля он писал фельдмаршалу: «...медлительство вашего марша, следовательно и военных операций, начинает здесь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительные разсуждения производить, кои даже до того простираются, что награждение обещают, кто бы российскую пропавшую армию нашел»⁴⁴.

Уже на этой стадии кампании 1757 г. Апраксин не показал себя хорошим военачальником. Располагая огромной властью, позволявшей ему поступать в походе по собственному усмотрению, он постоянно требовал указов и распоряжений правительства. Поход пришелся на пост, и в войсках было много больных.

Анфилада залов и картинный зал Екатерининского дворца.
Архитектор В. В. Растрелли

Елизавета Петровна. Неизвестный художник XVIII в.

П. И. Шувалов. Неизвестный художник XVIII в. ►

М. И. Воронцов. Мозаика художников ломоносовского круга. XVIII в. ►

И. И. Шувалов. Неизвестный художник XVIII в.
М. М. Щербатов. Неизвестный художник XVIII в.
П. А. Румянцев. Неизвестный художник XVIII в.
П. С. Салтыков. Художник И. Локтев

Зимний дворец (современный вид). Архитектор В. В. Растрелли

Летний дворец Елизаветы Петровны. Неизвестный художник XVIII в.

Сражение при Цорндорфе 14 августа 1758 г.

Вид Петербурга. Адмиралтейство. Неизвестный художник XVIII в.

Вид Петербурга. Гостиный двор. Неизвестный художник XVIII в.

Невский проспект от Аничкова дворца. Неизвестный художник XVIII в.

Невский проспект от Полицейского моста.
Неизвестный художник XVIII в.

Смо́льный собор (современный вид). Архитектор В. В. Растрелли

Гравёр Е. А. Чемесов. Автопортрет

«Правда,— писал Апраксин,— указом Петра Великого и повелевается солдат в том случае в пост мяса есть заставлять, но я собою силу этого указа при нынешних обстоятельствах в действо привести не дерзаю». Когда в конце июня Синод прислал разрешение следовать разумному указанию Петра и выдавать солдатам в походе по фунту мяса и две чарки вина в день, пост кончился, а больных было уже более 11 тыс. человек, или пятая часть армии⁴⁵.

Сохранившиеся письма Апраксина подтверждают мнения его современников (в частности, М. М. Щербатова) о том, что главнокомандующий больше беспокоился о поддержании своего прежнего роскошного образа жизни, чем о состоянии армии. 17 апреля 1757 г. он писал И. И. Шувалову, чтобы тот похлопотал об отсрочке в выплате долгов фельдмаршалом, и обосновывал эту просьбу таким образом: «По выступлении... моем за границу, где, быв всегда в дороге и имея более во всем дороговизны... столов своих никак убавить не могу, но, напротив того, оныя еще прибавиться должны. Сверх же того, сколько я ни старался уменьшить обоз мой, но никак меньше не мог сделать, как двести пятьдесят лошадей, кроме верховых, которых по самой крайней мере до тридцати у меня быть должно, и 120 человек людей, почти все в ливреях...»⁴⁶

Границу Восточной Пруссии Апраксин решил перейти лишь в середине июля, когда было получено сообщение о сдаче после непродолжительной бомбардировки с суши и с моря Мемеля. В армии возмущались тем, что Фермор, располагая полным превосходством в силах (16 тыс. против 800 человек гарнизона слабоукрепленной крепости), позволил пруссакам на самых почетных условиях покинуть крепость.

В Восточной Пруссии против 50-тысячной русской армии действовала 30-тысячная прусская армия под командованием фельдмаршала Г. Левальда. И хотя Левальд располагал значительными силами и временем, он вел себя столь же нерешительно, как и Апраксин. Во второй половине июля его войска заняли оборонительную позицию на правом берегу реки Прегель. Апраксин уклонился от боя и, предприняв довольно рискованный обходный маневр, перешел на левый берег Прегеля по направлению к Алленбургу, с тем чтобы, минуя прусские позиции, выйти к Кёнигсбергу с юго-востока. Левальд, разгадав маневр, тоже переправился через Прегель, но ниже по течению и занял удобную позицию у деревни Гросс-Егерсдорф. Здесь он решил атаковать русскую армию.

Апраксин, зная о близости неприятеля, беспечно отнесся к разведке и вовремя не получил сведения о приготовлениях Левальда. Рано утром 19 августа 1757 г. русская армия двинулась к Алленбургу. Когда рассеялся туман, русские увидели построившихся в боевой порядок пруссаков. Кавалерия принца Голштейнского нанесла стремительный удар в стык авангарда и

главных сил. Однако 2-й Московский полк, оказавшийся под ударом, перестроился и сумел выстоять, отбив атаку кавалерии. К этому времени четыре полка дивизии В. А. Лопухина во главе со своим командиром, пробившись сквозь заполнившие дорогу обозы, стали строиться слева и справа от 2-го Московского полка. Именно их и приказал своей пехоте атаковать Левальд. После сильной перестрелки прусские батальоны, создав значительный перевес в силах на узком участке, атаковали полки дивизии Лопухина и охватили их правый фланг. Стоявшие под огнем русские батальоны несли огромные потери — до половины личного состава. Сам генерал Лопухин был смертельно ранен и попал в плен, но был тотчас отбит своими солдатами. Атака прусской пехоты оттеснила полки дивизии Лопухина, которые стали беспорядочно отходить в лес. Это был критический момент сражения. Но ситуацию резко изменил генерал П. А. Румянцев, который с четырьмя полками резерва «продрался сквозь лес», на опушке которого показались отступавшие полки Лопухина, и ударил во фланг охвативших русскую линию прусских полков (среди которых, кстати сказать, был полк известного читателя К. Г. Манштейна). Прусская пехота не выдержала удара свежих сил Румянцева и в беспорядке отступила. Неудача постигла Левальда и при попытке прорвать русские полки справа и слева от Румянцева. Вскоре он отдал приказ об отступлении⁴⁷.

Хотя потери русской армии (4,5 тыс. человек) вдвое превосходили потери Левальда, победа была полная. Но дальше началось труднообъяснимое. Во-первых, Апраксин, завершив «начаянное» для русской армии сражение победой, не преследовал беспорядочно отступавшего неприятеля и вскоре потерял его из виду. Во-вторых, после победы, расчистившей ему короткую прямую дорогу к Кёнигсбергу, он тем не менее продолжил ставшее уже ненужным обходное движение на Алленбург, удаляясь от Кёнигсберга на юго-запад. После необычайно медленного марша армия пришла в Алленбург, и здесь 24 августа было решено отказать от взятия Кёнигсберга и отступать к Тильзиту. Апраксин объяснял отступление желанием сохранить армию, страдавшую от недостатка снабжения и болезней. В донесении Конференции он даже попытался обосновать отступление «теоретически»: «...воинское искусство не в том одном состоит, чтоб баталью дать и выиграть, далее за неприятелем гнаться, но наставляет о следствиях часто переменяющихся обстоятельств более рассуждать, всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о целости войска неусыпное попечение иметь»⁴⁸.

Но объяснениям Апраксина мало кто верил. Отступление после победы и занятия большей части Восточной Пруссии было полной неожиданностью, «чему,—как писал А. Т. Болотов,—сначала никто и даже самые неприятели наши не хотели верить, покуда не подтвердилось то самым делом». Мемуарист, писавший эти строки спустя 30 лет, не преувеличил. 14 октября

1757 г. М. И. Воронцов писал М. П. Бестужеву-Рюмину о «странном и предосудительном поступке» Апраксина: «...он и ко двору е. и. в. чрез пятнадцать дней по поданном полном известии о воздержанной над прусским войском победе ничего не писал, и мы здесь ни малейшей ведомости о продолжении воинских операций в Пруссии в получении не имели, покамест, к крайнему сокрушению и против всякого чаяния, наконец от фельдмаршала получили неприятное известие, что славная наша армия за недостатком в провианте и фураже вместо ожидаемых прогрессов без указа возвращается... будучи непрестанно преследуема и якобы прогоняема прусскими командами...»⁴⁹

Не лишено основания мнение, что Апраксин, поддерживавший тесную связь с Бестужевым-Рюминым, знал о болезни Елизаветы и стремился избежать риска, ибо приход к власти пруссофила Петра III изменил бы ситуацию в корне. Как бы то ни было, если к Тильзиту армия отходила в полном порядке, то уже после 18 сентября ее отступление к Мемелю было беспорядочным и поспешным. Общие потери похода составили около 12 тыс. человек, причем в бою потеряли лишь 20%, а остальные 80% — 9,5 тыс. умерли от болезней⁵⁰.

Конференция и сама императрица настойчиво требовали от Апраксина перейти после перегруппировки в наступление и взять Кёнигсберг, однако Апраксин ответил, что «невозможное возможным учинить нельзя». Такой ответ не удовлетворил Елизавету, и 16 октября Апраксин был смещен с поста главнокомандующего. В декларации для союзников отмечалось: «...операция нашей армии генерально не соответствовала нашему желанию, ниже тем декларациям и обнадёживаниям, кои мы учинили нашим союзникам — замедлившееся окончание кампании наградить скоростию и силою воинских действ». Апраксин обвинялся в неспособности привести в действие план правительства. Он был отозван из армии и в конце 1757 г. арестован. Просидев под следствием до осени 1758 г. (вначале в Нарве, а потом под Петербургом), он умер⁵¹.

Новый главнокомандующий — генерал-аншеф Виллим Виллимович Фермор, англичанин по национальности, на русской службе находился с 1720 г., участвовал в войнах с Турцией и Швецией. Ему предстояло привести в порядок армию вчерашнего победителя пруссаков. Пока он этим занимался, Фридрих II решил, что русские до весны не решатся на выступление, и отозвал армию Левальда в Померанию для оказания сопротивления высадившимся там шведским войскам. 1 января 1758 г. Фермор, выполняя настоятельные требования Конференции, во главе 34-тысячной армии выступил в поход и 11 января без боя, под звуки литавр и колокольный звон торжественно вступил в Кёнигсберг. Занятие Кёнигсберга, как и временное занятие австрийским корпусом генерала Гаддика столицы Бранденбурга и всего Прусского королевства — Берлина, было единственным

успехом союзников: 5 ноября 1757 г. Фридрих II разгромил при Росбахе французов, а 22 ноября — при Лейтене австрийцев, оттеснив их из Силезии.

Между тем Фермор, не встречая сопротивления, в течение зимы 1758 г. закрепился в низовьях Вислы, а летом того же года вступил в Бранденбург, осадив ключевую крепость на пути в Берлин — Кюстрин. Это встревожило Фридриха, и с 33-тысячным войском он стремительно двинулся из Силезии. 13 августа, умело маневрируя, он переправился под Франкфуртом на правый берег Одера, отрезав от основных сил Фермора корпус Румянцева, тщетно поджидавший его в другом месте переправы. Обойдя русскую армию с тыла, он остановился у деревни Цорндорф. Обходный маневр прусской армии был вовремя обнаружен, и русские полки, совершив поворот кругом, приготовились встретить врага.

Очевидец сражения пастор Теге так описывает памятное утро 14 августа 1758 г.: «С высоты холма я увидал приближавшееся к нам прусское войско; оружие его блистало на солнце, зрелище было страшное... прусский строй вдруг развернулся в длинную кривую линию боевого порядка. До нас долетел страшный грохот прусских барабанов, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы услышали звуки гобоев, игравших известный гимн «Господи, я во власти твоей»... Пока неприятель приближался шумно и торжественно, русские стояли тихо, что казалось, живой души не было между ними. Но вот раздался гром прусских пушек...»⁵²

Да, сражение началось обстрелом позиций правого фланга русской армии, а затем прусская пехота атаковала их. Атака была проведена в соответствии с принципами «косого боевого порядка», который заключался в массированном наступлении на один из флангов противника несколькими эшелонами, причем батальоны, входившие в них, вступали в бой не одновременно, а последовательно, уступами — один за другим. Но сам по себе удар по флангу неприятеля «косым боевым порядком» мог и не дать эффекта, если полководец не сумел подготовить атаку и внезапно для неприятеля перебросить войска с другого фланга. Именно в искусстве нанесения мощного удара превосходящими на данном направлении силами с последующим охватом атакуемого фланга неприятеля и состоял секрет «косого боевого порядка». Фридриху не раз с успехом удавалось применить на поле боя это тактическое оружие, используя высокую маневренность и тактическую выучку своих войск. Но в Цорндорфском сражении его постигла неудача.

Сосредоточив на левом фланге превосходящие силы (23 тыс. против 17 тыс. у Фермора), Фридрих дал приказ наступать авангарду генерала Мантейфеля (8 батальонов), удар которого пришелся в крайний правый фланг русской боевой линии. Основные же силы (20 батальонов) генерала Каница должны были

поддержать авангард и без интервала с ним, уступами, побатаально ударить по русским полкам чуть правее Мантейфеля. Но здесь произошла ошибка. Перед атакующим фронтом пруссаков была горящая деревня Цорндорф, и, обходя ее, Каниц сильно отклонился вправо, оторвавшись от авангарда. Атаки уступом, когда 28 батальонов пехоты и 56 эскадронов гусар должны были, подобно волнам прибоя, захлестнуть правый фланг русской армии, не получилось. Возможно, это произошло из-за огромного облака пыли, поднятого маневрами конницы: вместе с дымом оно скрыло все поле сражения.

Увидав, что между малочисленным авангардом Мантейфеля и основными силами Каница образовался значительный интервал, Фермор приказал всеми силами правого фланга атаковать Мантейфеля, не дожидаясь его сближения с марширующими батальонами Каница. Наступление пехоты, поддержанной незначительными силами конницы, было успешным. Русским войскам удалось разбить прусский авангард и часть подошедших основных сил пруссаков. Но Фермор не сумел предусмотреть, что почти вся прусская конница генерала Зейдлица, находившаяся на крайнем левом фланге прусского построения, еще не вступила в бой и выжидала удобного момента для атаки. Он наступил тогда, когда пехотинцы русского правого фланга увлеклись преследованием батальонов Мантейфеля и обнажили свой фланг и тыл. Силами 46 эскадронов Зейдлиц нанес удар по наступающей русской пехоте.

Как происходила эта атака вышколенных прусских гусар, помогают представить страницы книги немецкого военного историка Г. Дельбрюка, который так описывал тактику прусской кавалерии: «В то время как в 1748 г. Фридрих еще довольствовался атаками с расстояния в 700 шагов, в 1755 г. он уже требовал атаки с 1800 шагов, причем последний участок должен был проходиться на полном карьере. Он требовал от командиров никогда не допускать, чтобы их атаковали, они всегда должны были атаковать первыми: «Когда таким образом огромная сомкнутая стена с сильным порывом обрушивается на неприятеля, то ничто ей уже не может оказать сопротивление...» Сомкнутая тактическая единица настолько поглощала отдельного всадника, что король предпочитал, чтобы рукопашного боя, по возможности, не было вовсе, «ибо,— говорит он,— в этом случае решает дело рядовой», а на него положиться нельзя. Поэтому эскадроны не только должны идти каждый сомкнутым строем, стремя к стремени или даже колено к колену, но и не должно быть почти никаких интервалов между эскадронами первой линии; атака должна продолжаться за первую линию противника, гоня его перед собой, разгромить вторую — и лишь после этого второго успеха он считал допустимым рукопашный бой»⁵³.

Перед лицом такой устрашающей атаки, пришедшей к тому же не во фронт готовой к бою пехоты, а в ее движущийся фланг

и тыл, можно по достоинству оценить мужество русских grenадер. Они не успели перестроиться в правильное каре, но не побежали, выдержав первый страшный удар конницы, и затем, встав кучками спина к спине, отбивались от наседавших прусских гусар холодным оружием. Не случайно большая часть раненых после Цорндорфского сражения получили раны от сабельного удара. Отбиваясь от конницы, grenадеры стали медленно отступать на исходные позиции начала боя. Убедившись в невозможности прорвать правый фланг русских, Зейдлиц отвел расстроенные эскадроны к деревне Цорндорф⁵⁴.

После этого Фридрих решил нанести удар по левому флангу русской армии, который составлял Обсервационный корпус под командованием Броуна. Когда Фридрих начал перебрасывать туда войска, Броун неожиданно перешел в наступление и прорвал правый фланг пруссаков. Солдаты корпуса начали преследование бегущего неприятеля. Воспользовавшись этим моментом, Зейдлиц, который уже перешел на свой правый фланг, нанес удар, подобный тому, который несколько раньше выдержали grenадеры русского правого фланга. Но в отличие от своих товарищей солдаты привилегированного шуваловского корпуса не выдержали атаки конницы и бежали. Это произошло из-за грубейших нарушений дисциплины на поле боя: солдаты начали разбивать бочки с вином и грабить полковые кассы.

Впоследствии русское командование и Конференция считали, что победа была упущена из-за неприглядного поведения солдат шуваловского корпуса. В указе Елизаветы от 2 сентября 1758 г. отмечалось: «...к крайнему сожалению и гневу нашему, слышим мы, что в то самое время, когда победа совсем на нашей стороне была и неприятель, пораженный, в великом смятении бежал, некоторыми своевольными и ненаказанными, но мучительнейшей смерти достойными солдатам не токмо голос к оставлению победы и к отступлению назад подан, но число сих своевольников нечувствительно так бы умножилось, что они, отступая, неминуемо и многих других, в твердости еще пребывающих, в бег с собой привлекли, определенным от нас... командирам послушны явились и в то же время за мерзкое пьянство принялись, когда их долг, присяга и любовь к отечеству кровь свою проливать обязывала»⁵⁵.

Преследуя шуваловцев, конница Зейдлица вскоре натолкнулась на стоявшие в полном порядке полки центра и правого фланга, которые, несмотря на многократные атаки пруссаков, выстояли и тем самым спасли армию от поражения. Прусскую же пехоту, бежавшую после атаки корпуса Броуна, командирам так и не удалось собрать и бросить в поддержку Зейдлицу.

И здесь нельзя не отметить следующего обстоятельства. Как при Гросс-Егерсдорфе, так и при Цорндорфе проявились, с одной стороны, мужество и стойкость русских солдат, отмечавшиеся многими иностранными наблюдателями, а с другой — почти

полная непригодность русского командования. Решение Фермора об атаке прусского авангарда было последним распоряжением главнокомандующего. К моменту атаки Зейдлица на правый фланг Фермор, который им командовал, покинул поле боя, укрылся в деревне Куцдорф, находившейся в тылу русских войск, и появился на командном пункте лишь вечером, когда пехота отбила все атаки прусских гусар. Д. М. Масловский, взвесив все «за» и «против», писал: «...в заключение боя на правом фланге должны категорически признать, что главнокомандующим решительно ничего не сделано, чтобы восстановить порядок в войсках после отступления Зейдлица, и тем более несомненно его совершенно безучастное отношение к ходу боя на левом фланге. Распоряжения Фермора мы встречаем значительно позднее, уже после подобной же катастрофы на крайнем левом фланге, в войсках Обсервационного корпуса»⁵⁶. Иначе говоря, Фермор в самый ответственный момент сражения бросил армию на произвол судьбы. В то время как Фридрих управлял войсками, удерживая все время инициативу и перебрасывая в нужную точку сражения свои силы, русские фланги действовали обособленно, отсутствовали элементарная координация действий всех родов войск и управление армией со стороны главнокомандующего.

Наконец, не известно, как бы развивалось сражение, если бы Фермор приказал Румянцеву покинуть ставшую бесполезной оборону переправы через Одер (после того как Фридрих перешел в другом месте на правый берег) и двинуться к Цорндорфу. Как писал Д. М. Масловский, «теперь, когда все карты раскрыты, очевидно, что Румянцев с 11 000 человек свободно мог ударить во фланг, а при искусных разведках и в тыл пруссакам в самое критическое время, т. е. в исходе первого дня Цорндорфского боя, или на другой день: полное поражение Фридриха II в этом случае не подлежит сомнению». Впрочем, Масловского не следует уподоблять тем историкам, которые посвящают целые страницы рассуждениям о том, мог ли победить Наполеон при Ватерлоо, если бы вовремя подошел Груши, или нет? Масловский понимал, что перед Румянцевым, не имевшим приказа Фермора, стоял самый сложный вопрос, «который так легко и просто разрешается теперь, в кабинете»⁵⁷.

К вечеру сражение стало стихать. Обе стороны понесли огромные потери. Русская армия потеряла половину личного состава (22,6 тыс. человек, из них 13 тыс. убитых, а также 85 пушек, 11 знамен и большую часть казны). Обсервационный корпус был практически уничтожен (из 9 тыс. человек в строю остались лишь 1,6 тыс. человек). Значительно поредело и высшее командование: из 21 генерала 5 были взяты в плен, а 10 — ранены.

Потери пруссаков были тоже велики — свыше 11 тыс. человек. Поэтому наутро Фридрих не решился вторично атаковать русскую армию и ограничился артиллерийским обстрелом рус-

ских позиций, а 16 августа не воспрепятствовал организованному отходу войск Фермора с кровавого поля Цорндорфа. Построившись в две колонны, между которыми разместился обоз, русские увезли на руках (за отсутствием необходимого количества лошадей) 26 прусских орудий и унесли 10 отбитых прусских знамен.

Известие о сражении при Цорндорфе было благоприятно встречено в Петербурге. Рескрипт Елизаветы Фермору гласил: «Через семь часов сряду храбро сделанное превосходящему в силе неприятелю сопротивление, одержание места баталии и пребывание на оном даже на другие сутки, так что неприятель, и показавшись, и начав уже стрельбою из пушек, не мог, однако же, чрез весь день ничего сделать и ниже прямо атаки предпринять, суть такие великие дела, которые всему свету останутся в вечной памяти к славе нашего оружия»⁵⁸.

Понять Елизавету можно: русская армия вдали от родной страны, в самом сердце Бранденбурга, выдержала сражение с искусным полководцем и, нанеся ему значительный урон, сумела с достоинством покинуть поле сражения, не оставив неприятелю ни раненых, ни трофеев. Это не было победой — поле боя осталось за Фридрихом, но это и не было поражением, ибо прусский король так и не решился атаковать русскую армию, которая «транспортным порядком», фланговым маршем, 7 верст тянулась в виду его армии⁵⁹. Соединившись с Румянцевым, Фермор отступил к Ландсбергу, а затем в Померанию, где рассчитывал взять важнейший порт и крепость Кольберг. Это бы существенно облегчило снабжение армии и сократило бы растянутые на сотни верст сухопутные коммуникации. Однако осада велась неумело, и в октябре Фермор дал приказ об отходе армии в низовье Вислы на старые зимние квартиры.

На послецорндорфском этапе кампании 1758 г. Фермор проявил — подобно Апраксину после Гросс-Егерсдорфа — крайнюю нерешительность и ничего не предпринял против действовавшей против него в Померании армии генерала Дона. Даже распространился слух о тайных сношениях Фермора с Дона, правда не подтвержденный источниками, но так или иначе вторая кампания не принесла победы.

Пока в высших сферах обсуждался план похода 1759 г., русская армия готовилась к новой, третьей по счету кампании. Сражения и походы несли с собой не только потери и разочарования. Пройдя горнило Гросс-Егерсдорфа и Цорндорфа, армия приобрела бесценный боевой опыт.

В распоряжениях Конференции, ранее стремившейся проконтролировать мельчайшие передвижения войск и требовавшей отчета о каждом дне похода, зазвучали иные нотки: «Избегайте таких резолюций, какие во всех держанных в нынешнюю кампанию военных советах были принимаемы, а именно с прибавлением ко всякой резолюции слов: если время, обстоятельства и

неприятельские движения допустят. Подобные резолюции показывают только нерешительность. Прямое искусство генерала состоит в принятии таких мер, которым бы ни время, ни обстоятельства, ни движения неприятельские препятствовать не могли». Изменилось и отношение к противнику. От высокомерных суждений о Фридрихе II не осталось и следа. Сменивший А. П. Бестужева-Рюмина на посту канцлера М. И. Воронцов призывал Фермора думать над исправлением недостатков, перенимать у противника все новое и полезное: «Нам нечего стыдиться тем, что мы не знали о иных полезных воинских порядках, кои у неприятеля введены; но непростительно б было, если бы мы их пренебрегли, узнав пользу оных в деле. Смело можно народ наш, в рассуждение его крепости и узаконенного правительством послушания, уподобить самой доброй материи, способной к принятию всякой формы, какую ей дать захотят»⁶⁰.

К 1759 г. в армии многое изменилось к лучшему. Войска стали маневреннее (только за кампанию 1758 г. они прошли не менее 1 тыс. верст), совершенствовалась система снабжения. Энергичный П. И. Шувалов за зиму 1758/59 г. сумел заново перевооружить артиллерию. Полковая артиллерия получила пушки усовершенствованной конструкции — единороги, более легкие и скорострельные, чем старые. В полевой артиллерии помимо замены пушек были проведены коренные структурные изменения. Изучение опыта неудачного для артиллерии Цорндорфского сражения побудило создать специальные полки прикрытия, солдаты которых были обязаны действовать в полном единстве с артиллеристами и не только прикрывать их, но и при необходимости помогать им, заменяя выбывших из строя. Солдат этих полков обучали «поворотам, отводу и надвиганию артиллерии и прочему, дабы в будущую кампанию удобнее было их с лучшею пользою, нежели командированных на время от полков, употреблять»⁶¹.

Опыт кампании 1758 г. убедил правительство в том, что В. В. Фермор не проявил качеств, необходимых для главнокомандующего армией. Кроме того, инспекция генерала Костюрина показала, что Фермор непопулярен в армии и им «большую частью, хотя не смеют роптать, но недовольны». Костюрин писал в докладе: «Многие со мною генералитет и штаб-офицеры в разсуждении говорили, что все желают командиром быть российского. В том числе в войске е. и. в. в службе из немцов... тож желание имеют, когда б главной между ими был российской»⁶². Весной 1759 г. Фермор был отстранен от командования, а главнокомандующим стал генерал-аншеф П. С. Салтыков, 60-летний командующий украинской ландмилицией. Петр Семенович начал службу в 1714 г., когда его, 16-летнего юношу, в числе других «пенсионеров» Петр отправил во Францию, где он прослужил в военно-морском флоте более 15 лет. Салтыков участвовал в

войне «за польское наследство» и в русско-шведской войне 1741—1743 гг.

Армия, принятая Салтыковым, уже находилась в походе, но положение ее было трудным и неопределенным. Перед началом кампании Конференция отказалась от померанского направления ведения военных действий и пошла на уступки австрийцам. Новым направлением стало силезское, и Салтыков должен был идти на соединение с австрийской армией Дауна. Русской армии противостояла прусская армия Дона, перед которой была поставлена задача не дать соединиться в среднем течении Одера русским и австрийцам. Вначале Дона пытался воспрепятствовать движению русской армии сложными маневрами, но Салтыков настойчиво продвигался к Одеру. Тогда 10 июля 1759 г. Дона перерезал путь движения русской армии и 12 июля навязал ей сражение у деревни Пальциг, на правом берегу Одера. Сражение началось быстрой атакой пруссаков, которая, как и две последовавшие за ней, была отбита русской пехотой. Исход сражения решила контратака сплоченной массы русских кирасир, отбросивших прусскую армию. Потеряв 7 тыс. человек, она отступила. Потери русской армии впервые за войну были меньше, чем прусской, — всего 5 тыс. человек.

Это была очень важная, воодушевившая войска победа. Русское командование с успехом использовало опыт войны и многие тактические находки, оперативно и своевременно двинуло резервы, что и привело к победе. В сражении при Пальциге успешным оказалось и проводимое в широких масштабах взаимодействие пехоты, артиллерии и конницы. Неоценимы были и стратегические последствия победы, которая расчистила дорогу русской армии для соединения с союзной армией Дауна. 21 июля 1759 г. армия Салтыкова заняла Франкфурт-на-Одере и встретила с 20-тысячным корпусом генерала Лаудона, посланного Дауном навстречу русским. Даун требовал, чтобы Салтыков поднялся вверх по Одеру к намеченному месту встречи армий у Кроссена. Не успев принять окончательное решение, Салтыков получил тревожное известие о стремительном движении Фридриха с армией к Одеру. Русская армия заняла оборонительную позицию на правом берегу Одера, почти напротив Франкfurта, у деревни Кунерсдорф, название которой впоследствии вошло во все учебники военной истории. Здесь 1 августа 1759 г. армия Салтыкова (40 тыс. человек) вместе с корпусом Лаудона (19 тыс. человек) столкнулась в бою с армией Фридриха, имевшим в строю 48 тыс. человек.

Необходимо сказать несколько слов о русских позициях. Правое крыло русской армии упиралось в низкий топкий берег Одера почти напротив расположенного на противоположном берегу Франкfurта, левое — заходило за расположенную на одной линии (запад — восток) с Франкfurтом деревню Кунерсдорф. Три возвышенности господствовали над равниной, ставшей полем

битвы: ближе к Одеру — гора Юденберг, восточнее, в центре позиции, — гора Большой Шпиц и еще восточнее, перед Кунерсдорфом, — гора Мюльберг, отделенная от Большого Шпица оврагом Кунгруд. Русские войска заняли все три высоты и укрепили их. Позиция русской армии была неуязвимой со стороны Одера, но не глубокой и перерезалась оврагами. Войска встали таким образом: на горе Юденберг — дивизия Фермора и Вильбуа, на Большом Шпице — дивизия П. А. Румянцева и на горе Мюльберг — Обсервационный корпус А. М. Голицына. Австрийцы стояли в резерве за горой Юденберг. Фридрих должен был подойти с севера, так что Фермор первоначально занимал левый фланг, а Голицын — правый. Но верный себе Фридрих появился с противоположной стороны, и Салтыкову пришлось развернуть армию кругом, так что правый фланг стал левым, а левый — правым. Этот поворот не ослабил позиций русской армии, но, как и при Цорндорфе, отрезал ей путь к отступлению. Ее ожидала или победа, или истребление.

Начав с раннего утра перегруппировку, Фридрих переправился через топкий ручей Гюнер и занял удобные позиции, охватывавшие левый фланг русской армии, укрепившийся на горе Мюльберг. После того как прусская артиллерия обстреляла корпус Голицына, в атаку пошли пехота и конница короля. Сосредоточение, когда Фридрих не дал Салтыкову догадаться о месте наступления, и начальная фаза атаки превосходящими силами пехоты по пересеченной местности были проведены образцово. Шуваловцы, как и при Цорндорфе, не выдержали атаки и в панике покинули позиции на Мюльберге, где пруссаки тотчас установили пушки и начали продольный обстрел русских позиций на Большом Шпице. Пехота Фридриха одновременно атаковала их через овраг Кунгруд.

Салтыков вовремя дал приказ стоявшим на Большом Шпице крайним слева полкам развернуться поперек бывшего фронта и принять на себя удар перешедшей Кунгруд прусской пехоты. Так как хребет Большого Шпица был узок, образовалось несколько линий (по два полка в каждой), которые вступали в бой по очереди — по мере гибели передней линии. Современник так описывает последующие драматические события: «И хотя они (линии. — Е. А.) сим образом выставляемы были власно как на побиение неприятелю, которой, ежеминутно умножаясь, продвигался отчасу далее вперед и с неописанным мужеством нападал на наши маленькие линии, одну за другою истреблял до основания, однако, как и они, не поджав руки, стояли, а каждая линия, сидючи на коленях, до тех пор отстреливалась, покуда уже не оставалось почти никого в живых и целых, то все сие останавливало сколько-нибудь пруссаков...»⁶³

Одновременно с атакой во фланг русских позиций на горе Большой Шпиц прусская конница атаковала те же позиции с тыла, а пехота — с фронта, недалеко от Кунерсдорфа. Наступил

критический момент битвы. Потеря позиций в центре неизбежно вела русскую армию к поражению. Однако атака с фланга, со склонов Мюльберга на склон Большого Шпица, захлебнулась — русские линии гибли одна за другой, но отстояли свои позиции. Атака кирасир принца Вюртембергского с тыла была отбита под личным руководством Румянцева и Лаудона, а фронтальную атаку пехоты остановил плотный огонь русской пехоты и артиллерии.

Теперь наступил критический момент для пруссаков. Фридрих приказал Зейдлицу начать атаку всеми силами конницы во фронт русских полков, стоявших на Большом Шпице, с тем чтобы сломить сопротивление русского центра. Конница знаменитого после Цорндорфа кавалерийского генерала помчалась на укрепленные позиции готовых к бою русских полков и батарей, но на этот раз, попав под сильный артиллерийский огонь, с огромными потерями отступила. Тотчас с нескольких позиций по расстроенным эскадронам Зейдлица ударила русско-австрийская конница, а затем перешла в наступление русская пехота, в штыковом бою занявшая снова Мюльберг. Попытки Фридриха перехватить инициативу ни к чему не привели. Прусская пехота и кавалерия бежала с поля боя. Клаузевиц и Дельбрюк считали, что при Кунерсдорфе Фридрих стал жертвой своей тактики: фланговая атака на узком пространстве, невозможность использовать в полной мере конницу, отказ от атаки левого крыла русской армии — все это предопределило поражение. Вместе с тем они отмечали умелое использование русскими местности, значительно укрепленной окопами и засеками, а также стойкость русских солдат на склонах Большого Шпица.

Общие потери 48-тысячной армии Фридриха II достигали 17 тыс. человек. Только на месте боя русские захоронили 7,6 тыс. убитых прусских солдат. Около 5 тыс. человек было взято в плен. Союзникам достались богатые трофеи: 26 знамен, 172 орудия и все боеприпасы прусской армии. Но и войска союзников понесли значительный урон. Если австрийцы потеряли 2 тыс. человек, то русские — 13 тыс. человек. По этому поводу Салтыков горько пошутил: «Ежели мне еще такое же сражение выиграть, то принуждено мне будет одному с посошком в руках несть известие о том в Петербург»⁶⁴.

Чудом спасенный своими гусарами, прусский король был в таком отчаянии, что проявил слабодушие и бежал, бросив армию. Сразу после битвы Фридрих II писал Финкенштейну: «Я несчастлив, что еще жив. Из армии в 48 тысяч человек у меня не остается и 3 тысяч. Когда я говорю это, все бежит, и у меня уже нет больше власти над этими людьми. В Берлине хорошо делают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье! Я его не переживу. Последствия дела будут хуже, чем оно само. У меня нет больше никаких средств, и, сказать правду, я считаю все потерянным»⁶⁵.

Впрочем, Фридрих II всегда был склонен преувеличивать и свои успехи, и неудачи. Простояв несколько дней на поле битвы, Салтыков выступил в поход, но не на Берлин, где его со страхом ждали, а в другую сторону — на соединение с австрийской армией Дауна. Тем временем Фридрих взял себя в руки и сумел несколько поправить дело.

Почему Салтыков не пошел на Берлин? Думается, что русский главнокомандующий не был уверен в успехе такого похода: сразу после сражения уставшая армия, обремененная ранеными, трофеями, пленными, выступить в поход не могла, а подсчитав потери, составлявшие треть личного состава, Салтыков счел поход возможным при условии активного участия в нем Австрии.

Анализ фактов показывает, что Салтыков не перестраховывался. Приведенное выше эмоциональное, паническое письмо Фридриха II свидетельствует больше о неуравновешенном характере прусского короля, чем о реальной обстановке. После победы русская армия не преследовала неприятеля за границей поля сражения, поэтому оставшееся у Фридриха 29-тысячное войско начало постепенно собираться у Фюрстенвальда на Шпрее. Одновременно Фридрих стал подтягивать войска из гарнизонов и готовиться к обороне столицы. Идти на Берлин без австрийцев Салтыков не хотел. Даун выделил ему кроме 10-тысячного корпуса Лаудона 12-тысячный корпус генерала Гаддика, но сам перейти в наступление со всей армией отказался. Для этого были свои причины. Важнейшая из них — присутствие в тылу австрийской армии двух прусских армий: принца Генриха в Саксонии и генерала Фуке в Силезии (всего не менее 60 тыс. человек). В случае наступления на Берлин обе эти армии, сдерживаемые армией Дауна, сразу бы активизировались и перерезали австрийские коммуникации. Однако, по справедливому мнению Г. Дельбрюка, поход русско-австрийских войск на Берлин был возможен, «но лишь при условии, чтобы главнокомандующие действовали единодушно и решительно. Такое сотрудничество в союзных армиях, как то показывает опыт, достигается с трудом: не только полководцы имеют разные взгляды, но за этими взглядами кроются и различные, весьма крупные интересы»⁶⁶.

На первой же встрече с Салтыковым 11 августа 1759 г. Даун предложил план совместных действий в Саксонии и Силезии с последующим размещением русской армии на зимние квартиры в Силезии. Поначалу Салтыков согласился с планом Дауна, но постепенно стал все больше и больше противиться его осуществлению. Во-первых, он боялся разрыва коммуникационных линий с Восточной Пруссией и Речью Посполитой в случае движения в глубь Саксонии или Силезии и не верил, что австрийцы смогут обеспечить снабжение и удобные зимние квартиры в еще не завоеванной Силезии. Во-вторых, он считал, что сами австрийцы слишком мало делают для победы над Фридрихом и возлагают

бóльшие, чем следовало, надежды на участие русской армии в операциях против Пруссии. Когда Даун через посланного генерала предложил Салтыкову двинуть армию к Пейцу, чтобы перекрыть Фридриху дорогу в Саксонию, русский главнокомандующий ответил отказом: «...неприятель уже места около Пейца занял, так разве мне его атаковать и оттуда выгнать, на что я отважиться не хочу, ибо и без того вверенная мне армия довольно уже сделала и немало претерпела, теперь надлежало б нам покою дать, а им работать, ибо они почти все лето пропустили бесплодно». Австрийский генерал, по словам Салтыкова, возразил на это: «...у них три месяца за нами руки связаны были, чем он нарекать хотел, что мы долго маршировали, но я, подхватя его речь, повторил...» и т. д. и т. п.⁶⁷ Взаимные попреки, как известно, мало продвигают общее дело союзников.

Если отстраниться от конкретных обстоятельств распри генералов-союзников и не требовать от Дауна большего уважения к победителю Фридриха II, а от вчерашнего командующего ландмилицией — необходимого в отношениях с союзниками такта и дипломатического таланта (присущего, например, А. В. Суворову), то в основе несогласованности действий союзников можно увидеть главное противоречие австро-русского договора о совместной борьбе против Пруссии.

Как уже отмечалось, этот договор отводил России роль вспомогательной силы и ограничивал ее действия военными демонстрациями. Поэтому русское правительство и не добивалось равноправной роли России в союзе и не ставило конкретной задачи в войне, которая, как отмечалось в постановлении Конференции 15 марта 1756 г., велась, «чтоб короля прусского до приобретения новой знатности не допустить, но паче его в умеренные пределы привести и, одним словом, неопасным его уже для здешней империи сделать»⁶⁸. Известно также, что отцом этого плана был А. П. Бестужев-Рюмин, не рассчитывавший на серьезную войну. Когда же русские войска заняли Восточную Пруссию и начали действовать в сотне километров от Берлина, роль России в войне силою обстоятельств изменилась. Однако петербургские политики ничего не сделали для изменения роли России в союзе и условий ее участия в войне с прусским королем. Результатом этого стала известная противоречивость русской внешней политики и соответственно поведения русских главнокомандующих.

С одной стороны, союзное соглашение ставило русскую армию целиком на службу интересам Австрии, и в соответствии с ним перед каждой новой кампанией австрийский генералитет требовал планировать операции русской армии в стратегическом направлении на Силезию (ради отвоевания которой Австрия начала войну с Пруссией и заключила наступательный союз с Россией), а с другой — в Петербурге не имели иллюзий насчет совместных действий с союзниками в Силезии. В рескрипте Конференции 20 декабря 1758 г. Фермору о силезском театре воен-

ных действий говорилось следующее: «...к сожалению, признать надобно, что по великому проворству короля прусского он до соединения никогда не допустит таких генералов, которым необходимо о всяком шаге изъясняться и соглашаться... всемерно надлежит за правило себе положить, что он только тогда прямо побежден найдется, когда воюющая против него державы так действовать станут, как бы каждая с ним одна в войне находилась»⁶⁹.

Горький, но полезный опыт трех лет войны продиктовал эти мысли. В 1757—1759 гг. превосходящие силы австрийской (160 тыс. человек), французской (125 тыс.), русской (50 тыс.), имперской (45 тыс.) и шведской (16 тыс.) армий — всего 400 тыс. человек — так и не смогли справиться с 200-тысячной армией Фридриха II. Действия союзников не координировались — даже об объединенном командовании армий ближайших стран-союзниц (Австрии и России) не было речи; каждая из союзных армий вела войну не лучшим образом; нерешительность, неоправданные маневры войск, неиспользованные победы, косность стратегического и тактического мышления командующих — все это позволяло Фридриху II успешно отбиваться от многочисленных врагов.

Но больше всего мешала союзникам озабоченность собственными интересами. Внешнеполитические цели России, а также реальные условия проведения крупных операций, возможных только при обеспеченных коммуникациях, влекли русских политиков и генералов в стратегический район, лежащий много севернее Силезии, а именно в Померанию и Бранденбург. Именно здесь, по словам М. И. Воронцова, русской армии надлежало «работать на себя»⁷⁰. Расхождение интересов внутри антипрусской коалиции и разногласия в выборе стратегических районов действия вели к существенным различиям в стратегии и тактике армий союзников.

В борьбе с Фридрихом II за Силезию австрийские полководцы прибегали к так называемой стратегии измора или истощения. Сторонники этой тактики стремились избегать прямых столкновений с противником, но при этом держать его в постоянном напряжении и всеми средствами изматывать: тревожить неприятеля непрерывными марш-маневрами, растягивать его коммуникации, отрезать от баз и т. д. Даун с успехом применял такую тактику против Фридриха во время второй Силезской войны и продолжал ее придерживаться. Предлагая русской армии двинуться на зимние квартиры в Силезию, Даун намеревался удалить прусскую армию от Одера, ослабить ее многодневными маршами и осадами и тем самым предотвратить развязку войны в течение кампании 1759 г., а в будущем году совместно с русской армией продолжить вытеснение пруссаков из Силезии.

Однако «стратегия истощения» совершенно не подходила для не очень маневренной русской армии, действовавшей вдали от

своих баз, а русское правительство желало скорейшей развязки войны в течение кампании 1759 г. путем победы над армией Фридриха и занятия Берлина. Именно с таких позиций в Петербурге были восприняты победы в сражениях при Пальциге и Кунерсдорфе. От свежеепеченного фельдмаршала ожидали развития успеха и требовали: «...хотя и должно заботиться о сбережении нашей армии, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну несколько лет вместо того, чтобы окончить ее в одну кампанию, одним ударом». Правительство надеялось, что Салтыков, имея превосходство в силах, приложит «все старания напасть на короля и разбить его»⁷¹.

Однако тяжкий груз ответственности за судьбу вверенной ему армии, моральная усталость после двух сражений, недоверие к союзнику и его планам — все это надломило волю Петра Семеновича. Он откровенно стремился отвести войска и закончить кампанию. Именно поэтому Салтыков безучастно смотрел на то, как Фридрих собирал силы для продолжения войны. Из его первых сообщений из Франкфурта после Кунерсдорфской победы нельзя заключить, что пишет полководец, две недели назад наголову разгромивший Фридриха. Так, 15 августа 1759 г. Салтыков меланхолично сообщал: «...король прусской с разбитою армиею поныне в близости нас стоит (в 6 милях.— *Е. А.*) и, по известиям, собиранием отовсюду гарнизонов и подвозом из Берлина и Штетина больших пушек усиливается и, конечно, по усилении или с принцем Гендрихом соединиться старание приложит, или нас атаковать паки вознамерится... а нас, буде не позахочет атаковать, в марше беспрестанно беспокоить и изнурять может»⁷².

Между тем Конференция добивалась от главнокомандующего активизации действий армии. Не скрывая раздражения, ее члены писали 7 октября 1759 г. Салтыкову, что получили известие об его отказе помочь Лаудону, вознамерившемуся напасть на Фридриха. Особенно возмутило их то, что Салтыков не только в том отказал, но и публично объявил, что неприятеля ожидать станет, но никогда его не атакует. В рескрипте 13 октября Конференция прибегла к последнему аргументу: «...так как король прусский уже четыре раза нападал на русскую армию, то честь нашего оружия требовала бы напасть на него хоть однажды, а теперь — тем более, что наша армия превосходила прусскую и числом, и бодростью, и толковали мы вам пространно, что всегда выгоднее нападать, чем подвергаться нападению», ибо «если бы он (*Фридрих.— Е. А.*) хотя однажды подвергнулся нападению и был бы разбит, то вперед с малыми силами отступал бы далее, а наша армия имела бы больше спокойствия и удобнеее пропитание»⁷³.

Но все уговоры оказались тщетными. Отделившись от австрийцев, Салтыков отступил на старые зимние квартиры в низовьях Вислы. Таким образом, и третья кампания, ознаменовав-

шаяся двумя блестящими победами, стоившими русской армии не менее 18 тыс. жизней, из-за нерешительности, пассивности русского командования и несогласованности действий союзников не смогла завершить разгром прусской армии.

Очередная безрезультатная кампания стала порождать взаимное неудовольствие союзников, которые начали упрекать друг друга в невыполнении обязательств. Поползли слухи о возможности сепаратных переговоров некоторых воюющих друг с другом стран. Особенно усердствовала английская дипломатия, опиравшаяся на победы английских войск в колониях и рассчитывавшая использовать финансовые трудности во Франции, а также разногласия русских и австрийцев. Английский посол в Петербурге Кейт стремился вбить клин между Россией и Францией, однако русское правительство в нескольких нотах подтвердило намерение России довести войну до победы над Фридрихом II. Но, не отказываясь от принятых обязательств, осенью и зимой 1759 г. русское правительство предприняло попытку определить, как писал в памятной записке 3 сентября 1759 г. М. И. Воронцов, «свою долю достойного за толь многие убытки награждения». Канцлер считал, что после Кунерсдорфа у России есть все основания для этого: «...понеже ныне по крайней мере с вероятностью оказано, и сам король прусской удостоверен, что российская армия в поле поверхность (верх.— *Е. А.*) имеет, то надеяться должно, что настало время доставить себе самим справедливость». Военные победы и настоятельная необходимость «сократить и ослабить» прусского короля позволили русскому правительству требовать при заключении возможного мира Восточную Пруссию, а также денежную контрибуцию в размере расходов России на войну⁷⁴. Австрия с виду индифферентно отнеслась к русскому требованию, но против него возражала Франция, опасавшаяся дальнейшего усиления России на Балтике и в Европе. Поэтому ни в 1760, ни в 1761 г. переговоры об этом не продвинулись ни на шаг.

Разрабатывая план кампании 1760 г., Конференция считала, что, хотя для удержания Восточной Пруссии и не следовало вести наступательных операций, долг союзника Австрии требует активного участия русской армии в военных действиях на силезском театре. В этом духе была выработана инструкция Салтыкову на проведение четвертой кампании.

Нет смысла утомлять читателя подробностями кампании 1760 г.: она мало чем отличалась от предыдущей по своим конечным результатам. В июле и августе Салтыков стремился соединиться на границе Силезии с Дауном. Фридрих и его брат Генрих непрерывными маневрами не давали союзникам это сделать.

Вообще в 1760 г. Фридрих изменил свою стратегию и тактику. Причиной были как ослабление прусской армии (в 1760 г. король мог выставить против 114 тыс. Дауна и 70 тыс. Салтыкова всего лишь 67 тыс. человек), так и возросшая сила русской

армии. Оценивая значение побед Салтыкова в 1759 г., русское правительство писало австрийскому: «Показан почти новый в войне пример, который, конечно, заставит короля прусского последовать другим правилам и меньше полагаться на свое счастье и ярость нападений». Авторы ноты не ошиблись. Той же осенью 1759 г. Фридрих, размышляя о судьбе Карла XII, написал, что, «конечно, бывают положения, в которых приходится давать сражение, но вступать в него надо лишь тогда, когда можешь потерять меньше, чем выиграть, когда неприятель проявляет небрежность в расположении лагеря или в организации марша или когда решительным ударом его можно принудить согласиться на мир». Имея в виду генералов, которые прибегают к битве просто потому, что не находят другого выхода из положения, в которое они сами себя поставили, Фридрих заключает: «Далеко не ставя им это в похвалу, мы скорее усматриваем в этом признак отсутствия гениальности»⁷⁵.

Себя же, конечно, прусский король не считал лишенным этого дара и кампанию 1760 г. (как и последние три кампании войны) провел в непрерывном маневрировании, избегая сражений. Лишь однажды, в начале августа 1760 г. под Лигницем (в Силезии), он подстерег двинувшийся на него ночью 24-тысячный авангард Лаудона и, имея под рукой 30-тысячную армию, разгромил его.

Когда стало очевидно, что кампания опять заканчивается безрезультатно, П. С. Салтыков пал духом и заболел. Генерал З. Г. Чернышев писал М. И. Воронцову летом 1760 г.: в армии ослабляется дисциплина и «фельдмаршал в такой гипохондрии, что часто плачет, в дела не вступает и нескрывтно говорит, что намерен просить увольнения от команды, что послабление в армии возрастает и к поправлению почти надежды нет». Чернышев если и преувеличивал, то ненамного. Документы свидетельствуют об участвовавших нарушениях дисциплины в армии (впервые после Цорндорфа), а письма Салтыкова говорят, что фельдмаршал перестал верить в успех своего дела. В июне 1760 г. он писал И. И. Шувалову: «...король прусский исправляется, принц Генрих взял такую позицию, где трудно его принудить, что нечем уступить и все около домов жмутся, а на выставку никто. Чем эта игра кончится, не знаю, а не худо бы и подумать: мы забредем далекомько, пристанища не имеем; боже сохрани, чтоб одним нам в пляске не быть, да и с разных сторон, вот воля ваша, а мне всего тяжелее»⁷⁶.

Меланхолические настроения главнокомандующего не понравились в столице, и после письма З. Г. Чернышева было решено сменить Салтыкова. В середине августа 1760 г. главнокомандующим был назначен фельдмаршал А. Б. Бутурлин, бывший некогда фаворитом Елизаветы и ставший фельдмаршалом без единого боя. Как полководец он во многом уступал П. С. Салтыкову и, вероятно, В. В. Фермору. Первое, что сделал новый главнокомандующий, приняв армию,— это отвел ее на зимние кварти-

ры, несмотря на протесты союзников и недовольство своего двора.

В 1760 г. война незаметно вступила в новую стадию. Изменение тактики прусского короля заставляло союзников задумываться над новыми способами борьбы с ним. В записке русского правительства австрийскому посланнику Эстергази отмечалось: «Нельзя подлинно ожидать войны окончание от всех сил походов и движений, ежели король прусской не отважит и не потеряет неравную баталию, но е. и. в. действительно и почитает, что когда король прусской ныне столь осторожен сделался, то не от баталий надлежит ожидать сей войны окончание, но только... чтоб неприятель везде притеснен и в недействие приведен был, а между тем земли его и города один за другим отбирались»⁷⁷. Хотя и этот способ борьбы с Фридрихом II тоже был не прост, занятие Берлина русскими и австрийскими войсками следует считать реализацией подобной директивы.

В середине сентября 1760 г. был сформирован специальный легкий отряд генерала Г. Г. Тотлебена (около 8 тыс. человек при 15 орудиях), который, отделившись от основной русской армии, форсированным маршем двинулся на Берлин, причем пехота была посажена на повозки. Первая попытка штурмовать ворота слабозащищенного города из-за неудачного командования Тотлебена закончилась провалом. 24 сентября отряд Тотлебена был усилен подошедшими войсками З. Г. Чернышева (11,5 тыс.), а также войсками австрийцев под командой П. П. Ласси (14 тыс.). В ночь на 28 сентября все прусские войска внезапно покинули город и отошли к Шпандау. В тот же день Берлин капитулировал и обязался выплатить большую контрибуцию. Обойдясь весьма гуманно с самой столицей и ее жителями, союзники уничтожили военные предприятия города и окрестностей. Были взорваны крупные оружейные заводы в Берлине и Потсдаме, а пушечный литейный двор был так разорен, что, как сообщалось в рапорте Тотлебена, «в два года ни одной пушки в Берлине лить невозможно будет». Из города было вывезено все неуничтоженное оружие, провиант и фураж. Были сожжены также огромные (на всю армию Фридриха) годовые запасы амуниции и мундиров⁷⁸. 30 сентября, получив известие, что Фридрих II со своей армией спешит на помощь столице, отряды Чернышева, Тотлебена и Ласси покинули Берлин.

Значение экспедиции на Берлин было велико. Кроме большого морального ущерба противнику был нанесен крупный материальный урон: разрушение оборонных предприятий и уничтожение запасов подрывали базу обеспечения прусской армии.

И все же, как и в предыдущие годы, кампания 1760 г. не принесла победы союзникам. Более того, Фридрих, вернувшись из-под Берлина в Саксонию в октябре 1760 г., дал под Торгау искавшему с ним встречи Дауну сражение. Разделив свою армию на две части, он с фронта и с тыла атаковал правое крыло

австрийцев. Войска Дауна не выдержали атаки с тыла и потерпели поражение. Неудачной была и вторичная осада Кольберга русским десантным корпусом адмирала Мишукова.

Взять Кольберг удалось лишь в следующей — и последней для России — кампании 1761 г. В этой кампании союзники намеревались окончательно сломить Фридриха II. Русская армия под командованием Бутурлина (50 тыс. человек) два месяца искала в Силезии удобное место соединения с 75-тысячной армией нового австрийского командующего Лаудона, в то время как обе армии могли быть разбиты поодиночке 70-тысячной армией Фридриха, который непрерывно маневрировал, спасая свой последний оплот в Силезии — Бреславль. Когда в августе союзные армии наконец соединились, у них появилась возможность покончить с Фридрихом, который оказался в подготовленной им самим ловушке — укрепленном лагере Бунцельвиц. Однако командующие не сумели найти общий язык — русская армия отошла от Бунцельвица, а Фридрих, взорвав укрепления, вырвался на оперативный простор.

Значительно успешнее развивались военные действия в Померании, где корпус П. А. Румянцева осаждал Кольберг, который сдался 5 декабря 1761 г. Первоклассная по тем временам крепость и порт позволяли в следующую кампанию начать военные действия сразу с территории Бранденбурга в направлении Берлина. Однако этому не суждено было свершиться.

25 декабря 1761 г. умерла Елизавета, а Петр III тотчас порвал союз с Австрией и подписал мир с Пруссией. В марте 1762 г. он получил письмо от Фридриха II: «Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан... Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочел чувство чести». В искренности Фридриха не приходится сомневаться: Пруссия, доведенная пятилетней войной почти до разорения, вряд ли бы выдержала еще одну кампанию.

Направляя уполномоченных в Петербург, Фридрих II дал им право согласиться на любые, даже тяжкие уступки, только бы вывести Россию из войны. Радости пруссаков не было предела — Петр III не только не предъявил каких-либо условий заключения мира, но и вернул все завоевания. «Таким образом, — писал Д. М. Масловский, — не оставалось сомнения в том, что вся кровавая работа армии погибла»⁷⁹. Более того, 24 апреля 1762 г. с Пруссией был установлен «вечный мир» и генералу З. Г. Чернышеву был дан приказ готовиться выступить с армией «союзной державы короля прусского» против вчерашних союзников. П. А. Румянцев начал — по приказу императора — готовить поход в Данию, чтобы наказать давних обидчиков предков Петра III. Лишь манифест 28 июня 1762 г. о восшествии Екатерины II прервал карикатурное продолжение кровавой драмы Семилетней войны.